
ИТОГИ ПЕРВЫХ МЕСЯЦЕВ ВОЙНЫ

Героизм народа на фронте и в тылу

Героизм — свершение выдающихся по своему значению действий, требующих от человека исключительного личного мужества, стойкости, готовности к самопожертвованию, — народ нашей страны проявил на фронте и в тылу с первых дней Великой Отечественной войны.

Ход и результаты боевых действий советских Вооруженных сил в начальный период войны были неудачными. Войска агрессора оказались явно сильнее и воевали лучше Красной армии.

Но при всем трагизме первых дней и месяцев войны на фронте и в тылу происходили события, которые свидетельствовали о непреодолимых жизненных силах советского государства. Важнейшим проявлением этих сил был массовый героизм народа.

Преимуществом советской стороны был, говоря современным языком, человеческий фактор: постепенно в крайне ожесточенной борьбе решающее значение приобретали твердость духа нашего народа, его самоотверженность на фронте и в тылу. Миллионы и миллионы советских людей, восприняли фашистскую агрессию как свою собственную беду и ощутили личную ответственность за судьбу страны.

В 1941 г. с новой силой проявился характер народа, о котором Л. Н. Толстой писал в связи с войной 1812 г.: «Ежели причина нашего торжества была не случайна, но лежала в сущности характера русского народа и войска, то характер этот должен был выразиться еще ярче в эпоху неудач и поражений»¹.

Уже первые часы и дни Великой Отечественной войны дали множество примеров силы духа, мужества и отваги советских воинов.

Первыми встретили вражеский удар пограничники, вооруженные лишь легким стрелковым оружием. Многие из них оказали врагу поистине героическое сопротивление. 11 дней удерживали 13-ю заставу Владимир-Волынского пограничного отряда бойцы под командованием лейтенанта А. Лопатина. Когда все кругом было разрушено артиллерией и минометами противника, пограничники перешли в подвальное помещение одного из зданий заставы и продолжали сдерживать наседавшего врага. 30 июня на заставе остались в живых только десять пограничников. 1 июля противник устроил подкоп и подорвал здание. При взрыве погибли все защитники заставы. Лопатину Алексею Васильевичу звание Героя Советского Союза было присвоено посмертно 18 декабря 1957 года.

Об 11-й заставе этого отряда (начальник заставы лейтенант Е. Уткин, политрук В. Кафтаров) в архивных документах сохранилась скупая запись: «Никто из бойцов и командиров 11-й заставы в комендатуру и отряд не явился. Весь личный состав погиб»². За лаконичными строками стоит безмерное мужество советских воинов, совершивших воинский подвиг.

Весь личный состав 4, 6, 12 и 14 пограничных застав погиб при защите мостов через реку Западный Буг.

Многие сутки упорно сражались с подавляющими силами агрессора заставы Августовского, Рава-Русского, Перемышльского и других погранотрядов³. 7-я и 9-я пограничные заставы последнего погибли в неравных боях с противником, защищая мосты через реку Сан⁴. До конца июня вели боевые действия гарнизоны дотов Гродненского, Брестского, Струмиловского пограничных укрепрайонов. Люди, оказавшиеся во вражеском тылу, без связи, без продовольствия и воды, сражались до последнего патрона. Войска противника были вынуждены обходить этот район, а затем, используя ядовитые дымы, огнеметы и взрывчатку уничтожить героические гарнизоны.

22 июня в 4 часа 15 минут совершил воздушный таран Д. Кокорев. Около 10 часов утра в небе над Брестом молодой офицер Рябцев, израсходовав весь боекомплект, протаранил фашистский «Мессершмитт». Энциклопедия «Асы Сталина» сообщает, что в тот день это был 9-й воздушный таран⁵. Летчикам-истребителям младшим лейтенантам С. И. Здоровцеву, М. П. Жукову и П. Т. Харитонову за уничтожение таранными ударами вражеских самолетов в небе Ленинграда 8 июля 1941 г. было присвоено звание Героя Советского Союза. Это были первые Герои военных лет. 7 августа летчик-истребитель младший лейтенант В. В. Талалихин при обороне воздушных подступов к Москве совершил ночной таран и уничтожил вражеский бомбардировщик. Ему 8 августа также было присвоено звание Героя Советского Союза.

Летчиком был и подполковник С. П. Супрун, награжденный второй медалью «Золотая Звезда» 22 июля 1941 г. (посмертно). 4 июля, на 13-й день войны, командир особого истребительного авиаполка С. П. Супрун, прикрывая группу бомбардировщиков, в одиночку вступил в бой с шестью вражескими истребителями, получил смертельное ранение, но все же успел посадить поврежденный истребитель. Он стал первым и единственным дважды Героем Советского Союза военных месяцев 1941 г. (первую «Золотую Звезду» он получил в 1940 г.).

Наши отважные летчики совершали и наземные огненные тараны. 22 июня старший лейтенант П. Чиркин и младший лейтенант В. Слюнькин свой горящий самолет направили на танковую колонну врага. 26 июня их подвиг повторил экипаж бомбардировщика во главе с капитаном Н. Ф. Гастелло (экипаж — лейтенанты А. А. Бурденюк, Г. Н. Скоробогатый, старший сержант А. А. Калинин), который 26 июня 1941 г. направил свой горящий самолет на скопление танков, бензоцистерн и автомашин противника на участке дороги Молодечно — Радошковичи. Экипаж погиб, но противник понес тяжелые потери.

Первым Героем Советского Союза в сухопутных войсках стал командир 1-й Московской мотострелковой дивизии полковник Я. Г. Крейзер за организацию обороны по реке Березине (указ от 15 июля 1941 г.).

24 августа 1941 г. младший политрук роты 125-го танкового полка 28-й танковой дивизии А. К. Панкратов под Новгородом закрыл своей грудью вражескую амбразуру⁶. Это был первый в истории Великой Отечественной войны подвиг такого рода, который впоследствии стали называть «подвигом Александра Матросова». Указом Президиума Верховного Совета от 16 марта 1942 г. ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. 6 декабря 1941 г. этот подвиг повторил выпускник Ленинградского университета Вячеслав Васильковский⁷.

Помощник командира взвода отдельной дегазационной роты (Мурманский укрепленный район, Северный флот) комсомолец старший сержант В. П. Кисляков 14–18 июля 1941 г. вместе с бойцами захватил одну из сопок в районе устья реки Западная Лица (Мурманская область) и занял оборону. Когда кончился боезапас, он приказал воинам отойти, а сам прикрыв отход товарищей. Ведя неравный бой, оборонял высоту до подхода подкрепления. 13 августа ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Это был первый герой военной поры в Военно-морском флоте.

Указом от 8 августа 1941 года «Золотой звезды» были удостоены командир партизанского отряда в Белорусском Полесье Т. П. Бумажков и партизан этого отряда Ф. И. Павловский.

Стрелковое подразделение обходит фланг противника

Ополченцы Гомеля в обороне города

Всего в период с июля по октябрь 1941 года звания Героя было удостоено 127 человек (из них 35 посмертно)⁸.

Едва ли не каждый день героизм проявляли сотни известных и многие тысячи оставшихся безымянными воинов.

Начальный период войны богат примерами сознательного самопожертвования воинов, до конца выполнивших требования присяги, воинского долга и своей совести. Они сражались в исключительно тяжелых условиях, сознавая, что об их подвигах, может быть, Родина и не узнает. Впрочем, они часто и не претендовали на славу. Характерна надпись на одной из стен Брестской крепости: «Я умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина! 20/VII-41 год». Своего имени герой не указал.

Мужество и героизм советских воинов восхищали даже противника. Один из немецких офицеров вспоминал такой эпизод. В течение десяти дней германские части пытались продвинуться вперед, но не могли этого сделать. «Никакие запасы не могли быть доставлены нам, — писал офицер, — так как подвозящие их солдаты встречали шквал артиллерийского огня. Мы изменили время доставки, но и это не улучшило ситуации. Снаряды часто падали и на наши позиции. Мы спрашивали себя, какой дьявол сделал все это возможным. Тайна открылась случайно... Как-то армейский повар в поисках танковых приборов подобрался к русскому танку, подбитому в предыдущих боях. Обгорелый, он давно стоял на гребне холма. Открыв люк, повар едва не потерял сознание от зловония. Внутри он увидел два стоящих на коленях скелета. Мы вытащили их. Один из них — капитан, потерявший глаз, — находился рядом с разлагающимся трупом. Раненый, он посылал по радио сообщения своим войскам о наших перемещениях»⁹.

Нередко неожиданный отпор враг получал в результате мужественного и самоотверженного выполнения бойцами и командирами своего воинского долга. На каждом участке фронта находились дивизии и батальоны, роты и батареи, личный состав которых совершал массовый подвиг.

Напомним лишь некоторые эпизоды, связанные с боевыми действиями крупных соединений (дивизия, армия) и потому достаточно подробно описанные в военно-исторической литературе¹⁰.

Танковая дивизия И. Д. Черняховского с началом войны углубилась на 20 км на территорию Восточной Пруссии и, получив приказ вернуться, прорвалась назад.

23 июня 1941 г. 99-я стрелковая дивизия (командир полковник Дементьев Н. И.) освободила от немцев город Перемышль и удерживала его до 27 июня, после чего по приказу командования отошла от берегов пограничной реки Сан. За воинскую доблесть, проявленную личным составом, эта дивизия первой в годы войны была награждена орденом Красного Знамени. К концу войны это соединение совершило немало подвигов и наград и стало именоваться 88-я гвардейская Запорожская Краснознаменная, орденов Ленина, Суворова и Богдана Хмельницкого стрелковая дивизия¹¹.

2 июля 1941 г. По переправлявшимся через Березину у города Борисова немецким танковым частям нанесла внезапный удар 1-я мотострелковая Московская Пролетарская Краснознаменная дивизия полковника Я. Г. Крейзера.

На самом острие немецкого танкового клина, рвавшегося к Луцку и Ровно, встала 1-я противотанковая бригада К. С. Москаленко. И ни разу не удалось врагу пробиться через ее боевые порядки.

20-е числа июля. Закончилась оборона Брестской крепости. Почти месяц ее защитники сковывали целую дивизию противника, поддержанную танками, артиллерией и авиацией; большинство их пало в боях, часть пробилась к партизанам, часть — обессиленных и тяжело раненных — попала в плен.

21 июля. Войска Западного фронта в результате контрудара освободили город Великие Луки и отбросили противника к юго-западу, а механизированные соединения Юго-Западного фронта нанесли контрудар по войскам противника и отбросили их на 40 км к северу.

Зенитчик М. Соколов на боевой позиции. Июль 1941 г.

30 июля. Войска 7-й армии Северного фронта остановили наступление финской Карельской армии на рубеже Поросозеро.

5 августа. Началась оборона Таллина, продолжавшаяся до 28 августа. Оборону держали 10-й стрелковый корпус 8-й армии, отряды морской пехоты, полк эстонских и латышских рабочих, поддерживаемые кораблями, береговой артиллерией и авиацией Балтийского флота.

6 сентября. Началась оборона Моонзундских островов войсками 8-й армии Ленинградского фронта (3-я отдельная стрелковая бригада) и частью сил Балтийского флота, продолжавшаяся до 22 октября. Руководил обороной комендант береговой обороны Балтийского района генерал-майор А. Б. Елисеев.

На волне массового героизма фронтовиков в ходе Смоленского сражения родилась советская гвардия. 18 сентября Наркомат обороны СССР за боевые подвиги, организованность, дисциплину и примерный порядок преобразовал 100-ю (командир генерал-майор И. Н. Руссиянов), 161-ю (командир полковник П. Ф. Москвитин), 127-ю (командир полковник А. З. Акименко) и 153-ю (командир полковник Н. А. Гаген) стрелковые дивизии в 1, 2, 3 и 4-ю гвардейские стрелковые дивизии. Гвардия стала олицетворением не только мужественного служения Родине, но и всемерно развивающегося военного искусства.

Яркими проявлениями коллективного подвига стала оборона Равы-Русской, Могилева, военно-морской базы Лиепая, полуострова Ханко. 73 дня длилась оборона Киева, столько же оставалась неприступной для врага Одесса. С беспримерным мужеством, героизмом советских людей ассоциируются в нашем сознании Волоколамск, Вязьма, Ельня, Ленинград, Ржев, Смоленск... В послевоенное время самоотверженность их защитников нашла официальное признание в присвоении 12 городам почетного звания «Город-Герой», Брестской крепости — Крепость-герой и большому числу городов звания «Город воинской славы».

Летом 1941 г. Красная армия не была деморализована натиском захватчиков. Сопrotивление продолжали даже разбитые части. Вот свидетельство К. К. Рокоссовского: «Мы пополняли полки 38-й дивизии полковника М. Т. Кириллова собранными в дороге людьми. Такого пополнения с каждым днем становилось все больше. Узнав, что в районе Ярцево находятся части, оказывающие сопротивление немцам, люди сами потянулись к нам. Прибывали целыми подразделениями или группами. Мне представляется важным засвидетельствовать это, как очевидцу и участнику событий. Многие части переживали тяжелые дни. Расчлененные танками и авиацией, они были лишены единого руководства. И все-таки воины этих частей упорно искали возможность объединиться. Они хотели воевать»¹².

Между тем в последние годы появились авторы, муссирующие утверждения о том, что «подавляющее большинство советских граждан не желало в 1941 г. защищать Советскую власть». В подтверждение приводятся цифры — количество красноармейцев, как утверждается «сдавшихся в плен». Однако «попавшиеся в плен» и «сдавшиеся в плен» — понятия принципиально различные. В реальности в большинстве случаев пленению предшествовали окружение, ранение, физическое истощение, отсутствие боеприпасов. Вот, например, что говорил на Нюрнбергском судебном процессе начальник штаба оперативного управления генерал-полковник А. Йодль о захваченных в плен под Вязьмой и Брянском в октябре 1941 г.: «Окруженные русские армии оказывали фанатичное сопротивление, несмотря на то что последние 8–10 дней были лишены какого-либо снабжения. Они питались буквально корой и корнями деревьев, так как отошли в непроходимые лесные массивы и попали в плен уже в таком состоянии, когда были едва ли в состоянии передвигаться»¹³.

Что же касается перебежчиков — категории пленных, которые добровольно, не будучи в безвыходной ситуации, сдались в плен, то, как говорится в докладе Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий их число в первый год войны не превышало 1,4–1,5 % от общего числа военнопленных¹⁴. То же самое следует сказать и о дезертирах: их общее число — 588,7 тыс. человек — составляло 1,7 % от числа призванных¹⁵.

Тем не менее в абсолютных цифрах это были значительные величины, и государство не могло не реагировать на них. Переломить ситуацию политическое и военное руковод-

ство страны решило репрессивными методами. 16 августа 1941 г. был издан Приказ СВГК СССР № 270. Он предписывал дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу считать злостными дезертирами и «уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными». При этом семьи командиров и политработников, «нарушивших присягу и предавших свою Родину» подлежали аресту, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишались государственного пособия и помощи. 12 сентября 1941 г. была принята директива Ставки ВГК № 001919, которая обязывала в каждой стрелковой дивизии иметь заградительный отряд численностью не более батальона (в расчете по роте на стрелковый полк). Заметим, что заградотряды — это не расстрельные команды. Их задачами, говорилось в директиве, являлась прямая помощь комсоставу в поддержании и установлении твердой дисциплины в дивизии, приостановка бегства, одержимых паникой военнослужащих, ликвидация инициаторов паники и бегства, поддержка честных и боевых элементов дивизии, не подверженных панике, но увлекаемых общим бегством. Эти подразделения комплектовались не из военнослужащих НКВД, а из обычных красноармейцев. Они имели право применять оружие, но не для расстрела отступавших частей и подразделений из пулеметов, а для ликвидации инициаторов паники и бегства.

С начала войны по 10 октября 1941 г., говорилось в официальной справке на имя Народного комиссара внутренних дел Л. П. Берия, особыми отделами НКВД и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла задержано 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта. Из числа задержанных особыми отделами арестовано 25 878 человек, остальные 631 486 человек сформированы в части и вновь направлены на фронт. В числе арестованных особыми отделами: шпионов — 1505, диверсантов — 308, изменников — 2621, трусов и паникеров — 2643, дезертиров — 8772, распространителей провокационных слухов — 3987, самострельщиков — 1671, других — 4371. По постановлениям особых отделов и по приговорам военных трибуналов расстреляно 10201 человек, из них расстреляно перед строем — 3321 человек¹⁶.

Как видим, нет никаких оснований ни демонизировать заградительные отряды, ни принижать вооруженных защитников Отечества, которые в тяжелейших условиях начала войны «приближали, как могли, день Победы».

И. Г. Эренбург, работавший во время войны военным журналистом, годы спустя писал: «Писатели долго (разумеется, не по своей воле) обходили первые месяцы войны молчанием, начиная повествование с контрнаступления в декабре 1941 года. А между тем все было решено именно в первые месяцы, тогда народ показал свою душевную силу»¹⁷.

Английский историк А. Кларк, касаясь этой темы, отмечает, что, прежде всего «следует сказать об обычном русском солдате. Неадекватно руководимый, недостаточно обученный, плохо экипированный, он изменил ход истории благодаря своему мужеству и твердости в этот первый год войны»¹⁸.

Уже за первые три недели войны с СССР люфтваффе потерял безвозвратно 550 боевых самолетов, еще 336 машин нуждались в длительном ремонте, то есть был потерян каждый третий самолет. К 10 июля 1941 г. вермахт потерял безвозвратно 350 танков (каждый десятый). А к концу года безвозвратные потери выросли до 2765 машин (пять из шести танков, перешедших советскую границу 22 июня 1941 г.)¹⁹.

«Чрезвычайно упорное сопротивление русских войск, — писал английский историк Лиддел Гарт, — тормозило продвижение наступающих. Обычно немцы достигали успеха за счет маневра, но не могли победить противника в самой схватке. Окруженные войска если иногда и вынуждены были сдаться в плен, то это, как правило, происходило лишь после длительного сопротивления. Обороняющиеся проявляли редкое упорство и пренебрежение к своему безнадежному в стратегическом отношении положению, и это серьезно тормозило выполнение планов наступающих»²⁰.

Гитлеровские войска не могли наступать в запланированных темпах. Если в первые три недели они продвигались вперед в среднем на 20–30 км в сутки, то с середины июля по 7 августа этот темп снизился до 3,5–8,5 км. С 8 августа до середины сентября продвижение

врага еще более замедлилось. С 30 сентября, когда началась Московская оборонительная операция, войска противника продвигались в среднем по 2,5–3,5 км в сутки²¹.

Героизм армии поддерживался массовым участием всего советского народа. Возле военкоматов выстраивались длинные очереди добровольцев, добивавшихся отправки на фронт. Из лиц, не подлежавших первоочередному призыву по мобилизации, для помощи действующей армии и усиления охраны тыла создавалось народное ополчение — добровольческие военные и военизированные формирования.

Всего по стране подали заявления о вступлении в ополчение свыше 4 млн человек. Из добровольцев было сформировано около 60 дивизий народного ополчения, большое количество отдельных частей и подразделений. В действующую армию в виде целых формирований или маршевого пополнения влилось около 2 млн бойцов-ополченцев²².

Еще одной формой участия населения в вооруженной борьбе с захватчиком стало партизанское движение. В первый месяц войны в Белоруссии было направлено в тыл противника и организовано на местах 118 партизанских отрядов и групп. А уже 6 августа за доблесть и мужество, проявленные в партизанской борьбе в тылу против немецких оккупантов, Президиум Верховного Совета СССР наградил орденами и медалями 43 партизана Белоруссии²³.

К 31 июля в Ленинградской области сформирован 191 партизанский отряд (около 9 тыс. человек)²⁴.

На оккупированной территории Московской области в 1941 г. действовали 41 партизанский отряд и 377 диверсионных групп общей численностью 15 тыс. человек. Для борьбы с партизанами в оккупированных районах Московской области и охраны своего тыла гитлеровское командование вынуждено было задействовать 60 тыс. солдат и офицеров, что равнялось пяти немецким дивизиям, которые могли бы сражаться на передовой²⁵.

С 17 сентября по 3 октября 1941 г. вели бои против карательной экспедиции оккупантов (две венгерские пехотные дивизии, восемь полицейских батальонов при поддержке танков и авиации) партизанские отряды, находящиеся в брянских лесах. Партизаны вывели из строя около 3,5 тыс. солдат и офицеров противника²⁶.

Всего к концу 1941 г. на оккупированной врагом территории действовало около 3500 партизанских отрядов и групп, насчитывавших 90 тыс. человек²⁷.

Быстрые темпы продвижения противника в начальный период войны по территории СССР потребовали от советского народа героических усилий и в тылу. Эвакуация из районов боевых действий промышленного и сельскохозяйственного оборудования, людей, материальных и культурных ценностей. С первых же дней войны приобрела значительные масштабы. Это был тяжелый, предельно напряженный труд, часто под вражескими бомбардировками и артиллерийским обстрелом. Многие крупные заводы подготовлены к переезду за несколько дней. Судить о масштабах эвакуации позволяет, например, тот факт, что для вывоза только «Запорожстали» потребовалось около 8 тыс. вагонов.

Полтора миллиона вагонов перевозили на восток, прежде всего в районы Среднего и Южного Урала, целую индустрию. Вместе с эвакуированными предприятиями туда прибыло 30–40 % рабочих, инженеров и техников. В эвакуации оказалось более 10 млн советских граждан. По сути дела, целая индустриальная держава в условиях войны переместилась на сотни, а то и тысячи километров. В итоге удалось сохранить большие производственные мощности и использовать их в интересах снабжения Красной армии, обороны страны, разгрома врага. Ничего подобного до этого мировая история не знала.

Часть эвакуированных заводов разместились на базе родственных, усилив их производственные мощности. Например, ленинградский Кировский завод и Харьковский дизельный слились с Челябинским тракторным. Эти три завода большой мощности составили крупнейшее в Советском Союзе танкостроительное предприятие, получившее в военные годы название «Танкоград».

Много мужества от советских людей потребовало развернутое летом и осенью строительство оборонительных рубежей. К нему было привлечено около 10 млн человек, в том числе на Украине — свыше 2 млн, в районе Ленинграда — около 500 тыс., в Москве и ее

окрестностях — около 600 тыс., в Ярославской области — свыше 173 тыс., в Ивановской обл. — свыше 97 тыс. человек²⁸. Оборонительные сооружения строились в основном руками гражданского населения, в большинстве своем женщин и подростков (мужчины уходили в армию и ополчение).

Подчеркнем: ничего героического в том изнурительном труде люди для себя не видели. Вот что писал, например, генерал Зайцев о строительстве Лужского оборонительного рубежа в июне — июле 1941 года в 100 км от Ленинграда, в котором в общей сложности приняло участие свыше 500 тыс. человек: «Половина прибывших копает траншеи и ставит антитанковые надолбы. Другая половина работает на сотнях огневых точек, создаваемых из бетонных блоков, бревен, дерева, камней в зоне укрепленных препятствий. Ничего не хватает — грузовиков, лопат, десятников. Но каждый стремится обеспечить армию оборонительной линией как можно скорее. Они работали дни и ночи напролет, они спали на брустверах и в траншеях, и они спорили о глубине и ширине укреплений, где разместить колючую проволоку»²⁹.

А вот свидетельство непосредственной участницы строительства Ярославского оборонительного рубежа Екатерины Михайловны Тиунчик-Абрамовской — работницы вагоноремонтного завода: «Более ста заводчан были призваны на трудовой фронт... Копали противотанковые рвы, вернее, убрали из глубоких рвов мерзлые глыбы земли и снега, которые предварительно взрывали солдаты. Ежедневно ходили пешком от деревни, где жили, в поле за десять километров, каждый нес за пазухой кусок замерзшего хлеба. Были плохо одеты и обуты. Но работали с утра до вечера с уверенностью, что делаем нужное для обороны родного края дело...»³⁰

Постановлением ГКО от 22 августа 1941 г. строительство оборонительных сооружений было возложено на НКВД СССР, а секретари обкомов ВКП(б) Мурманской, Ленинградской, Вологодской, Ярославской, Орловской областей, ЦК КП(б)У обязывались для нужд оборонительного строительства «производить мобилизацию местного населения и местного гужтранспорта в количестве и сроки по заявкам начальников строительных управлений оборонительных сооружений НКВД»³¹. 12 октября 1941 г. ГКО принял постановление, обязывающее руководство Моссовета и Мособлисполкома мобилизовать 450 тыс. жителей для форсирования строительства третьей линии обороны Москвы (первой линией была Вяземская, второй — Можайская). В строительстве оборонительных укреплений участвовало около 600 тыс. жителей столицы и Московской области, 70–75 % которых составляли женщины.

Постановление разрешало НКВД СССР установить оплату мобилизованного населения в размере 8–12 рублей в день в зависимости от продолжительности рабочего дня (10–14 часов). Позже была разработана система премирования работников за выполнение работы по строительству оборонительных рубежей в срок, а также за досрочное и качественное выполнение работ.

Будучи мобилизованными, граждане с пониманием и высокой ответственностью относились к выполнению порученных им работ. Более того, сдельная система оплаты труда порой вызывала среди них возражения принципиального характера. Так, тульские и калужские комсомольцы обижались, когда им определялась оплата в зависимости от выработки. Они заявляли: «Мы приехали защищать родину, а нам предлагают сдельную оплату»³².

Сотни тысяч людей не жалея своих сил и здоровья, не считаясь со временем, работали, с тем чтобы оборудовать местность для обороны, создать для войск рубежи, с которых можно будет бить врага.

В кратчайший срок были проведены заградительные работы на магистралях, ведущих к Москве, заминированы шоссе и мосты. В окрестностях столицы, на улицах и площадях строились противотанковые рвы и препятствия, огневые точки и баррикады, металлические ежи. Силами населения было сооружено: 676 км противотанковых рвов, 16,5 км окопов для стрелковых отделений, свыше 27,6 тыс. огневых точек, установлено 32 260 км противотанковых ежей устроено около 38,54 га лесных завалов.

Признанием вклада людей, создававших оборонительные сооружения для защиты столицы стало награждение их медалью «За оборону Москвы» (учреждена указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 мая 1944 г.).

Война повлекла за собой коренную перестройку всей жизни общества. Ушедших на фронт мужчин на предприятиях, в колхозах заменили женщины (40 % численности рабочих в промышленности и более 70 % в сельском хозяйстве), пенсионеры и подростки. Перераспределение финансовых и материальных ресурсов страны в интересах экономического обеспечения нужд обороны означало существенное сокращение средств, направляемых на личное потребление.

Значительное увеличение военного производства обеспечивалось за счет изменения трудового режима и ужесточения трудовой дисциплины. Был увеличен рабочий день, отменялись очередные и дополнительные отпуска, вводились обязательные сверхурочные работы продолжительностью до 3 часов в сутки; была установлена трудовая повинность, которая затронула миллионы людей. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий». Все работающие на военных заводах считались на годы войны мобилизованными и закреплялись за теми предприятиями, где работали; самовольный уход расценивался как дезертирство, и виновные карались тюремным заключением до 8 лет.

Характер и режим труда людей в тылу мало чем отличался от многих видов работ во фронтовой полосе. Нагрузка была чудовищная. Кроме основной работы, подавляющее большинство трудилось по мобилизации на сверхурочных работах. Люди заготавливали топливо и продовольствие для фронта и тыла, вручную разгружали многотонные составы с каменным углем, вагоны с ранеными, возводили оборонительные сооружения, дежурили в госпиталях, в качестве доноров сдавали кровь.

А если учесть нехватку продуктов, самых элементарных вещей, холод в нерегулярно отапливаемых домах, то станет ясно, в каких суровых условиях жили и трудились люди. Но они знали: действующая армия ждет самолеты, танки, орудия, боеприпасы и т. д. И все старались произвести продукции как можно больше и как можно лучшего качества. Подавляющее большинство советских людей понимало их необходимость, сознавало, что от их трудовых усилий зависит судьба страны.

С началом войны на заводах получило широкий размах движение двухсотников, развертывавшееся под лозунгом: «Работать за себя и товарища, ушедшего на фронт!». Его инициаторами стали молодые рабочие машиностроительного завода и автозавода в Горьком, завода «Фрезер» и Московского автозавода в Москве, «Уралмаша» на Урале, «Сибметаллстрой» в Новосибирске и др. Девиз движения — «Двумя нормами ты наносишь двойной удар по фашизму!». К осени 1941 г. оно развернулось на всех предприятиях страны и включало тысячи рабочих, выполнявших задания на 200 % и более³³.

Под девизом «В труде, как в бою!» среди молодежных бригад развернулось движение за звание «Фронтальная комсомольская бригада». Это звание присваивалось при выполнении плана на 150–200 %³⁴.

Большую роль в повышении производительности труда, успешном выполнении заданий партии и правительства сыграло широко развернувшееся на заводах и фабриках социалистическое соревнование. На авиационных заводах выдвинули лозунг «Не выполнив задания, домой не уходи». Он нашел миллионы последователей в промышленности³⁵.

Широкую поддержку получил и почин рабочих Магнитогорского комбината, начавших соревнование за выполнение оборонных заказов скоростными методами. Вскоре на страницах газет замелькали имена замечательных сталеваров Магнитки П. А. Савельева и А. Л. Шагагинова, Кузнецка — М. В. Буркацкого и И. Т. Попова, Уралмаша — Д. Д. Сидоровского, Златоустовского завода — И. А. Бисерова, передовиков других предприятий, добивавшихся высокой производительности труда.

Самоотверженно трудились колхозное крестьянство и работники совхозов. Продовольствие было необходимо армии и стране, так же как танки, самолеты, боеприпасы.

Минирование танкоопасного участка

Понимая это, жители села все свои усилия сосредоточивали на решении важнейшей задачи обеспечения армии и населения продовольствием, а промышленности — сырьем. Задача была исключительно сложной. С самого начала войны в сельском хозяйстве возникли огромные трудности. Его материально-техническая база резко сократилась. Большая часть новых автомашин, наиболее мощные тракторы, конский состав были направлены в армию. В общей сложности сельское хозяйство лишилось почти 54 % всех своих механических энергетических мощностей, из которых 21,8 % осталось на оккупированной территории и 32,6 % было передано Красной армии³⁶. Уровень механизации сельскохозяйственных работ резко снизился, в большей степени стали использоваться живая тяговая сила (в том числе и коровы), ручной труд. В 1941 г. в колхозах так было собрано 2/3 зерновых культур. Ремонтные заводы переключились на выполнение военных заказов. Остро ощущалась нехватка кадров: значительная часть трудоспособного сельского населения была мобилизована в армию, на заводы, шахты, лесозаготовки, на строительство оборонительных сооружений.

К концу 1941 г. число трудоспособных колхозников сократилось на 44 %. В сельскохозяйственное производство привлекались подростки, жители близлежащих городов, эвакуированное население. Особенно возросла роль женщин. Многие из них по примеру бригадиров женских тракторных бригад П. Н. Ангелиной и Д. М. Гармаш работали механизаторами. Из подготовленных за войну более 2 млн механизаторов было около 1,5 млн женщин³⁷.

Люди понимали, что продукция сельского хозяйства нужна стране также как танки, самолеты, боеприпасы, и сбор первого военного урожая, несмотря на все трудности, завершился успешно.

Колхозами тыловых районов был убран урожай с 51 630 тыс. га, то есть почти с той же уборочной площади, что и в 1940 г. План заготовок зерновых тыловые районы выполнили на 80 % — в закрома страны поступило свыше 1 млрд пудов хлеба (174,7 тыс. ц). В 1941 г. колхозы и совхозы сдали государству 43,3 % валового сбора зерновых против 38,1 % в 1940 г.³⁸

Своеобразным признанием патриотизма, самоотверженного труда подавляющего большинства крестьянства стало упразднение созданных в 1941 г. по постановлению ЦК ВКП(б) чрезвычайных политических органов — политотделов при МТС.

В активную работу на новых местах включились эвакуированные научные учреждения и лаборатории Москвы, Ленинграда, Киева, Минска и других крупных городов. Так, ученые и физики И. В. Курчатов и А. П. Александров были заняты защитой судов Военно-морского флота от магнитных мин. Будущий президент Академии наук СССР Александров отправился на Северный флот, а Курчатов остался в Севастополе. Г. Н. Флеров надел мундир ВВС и был приписан к Академии военно-воздушных сил в Йошкар-Оле. Он был уверен в ведущейся ядерной гонке и просчитывал шансы России. В ноябре 1941 г. ученый послал письмо в ГКО со своей оценкой российских возможностей в создании атомного оружия.

Таким образом, советский тыл стал прочной экономической базой и моральным оплотом фронта. Благодаря самоотверженному, героическому труду миллионов людей выполнялись и перевыполнялись самые напряженные плановые задания. Всесоюзное социалистическое соревнование, движение многостаночников, движения за совмещение нескольких профессий, трехсотников и тысячников, соревнование комсомольско-молодежных бригад, женских тракторных бригад — все эти формы повышения производительности труда возникли в ходе войны.

Благодаря массовому трудовому героизму советская экономика, несмотря на неудачи на фронте, не только не рухнула, но и сумела перестроиться для того, чтобы обеспечить нужды фронта и армии. «Контролирующая система Советского государства, — пишет американский историк Г. Вайнберг — функционировала... достаточно эффективно в сравнении с царским режимом и режимом Временного правительства в Первую мировую войну, достаточно эффективно по сравнению с тем, что уверенно ожидали от него немцы во Второй мировой войне»³⁹.

Не будем заблуждаться: «как один человек, весь советский народ за советскую родину встанет» — это художественный образ. В реальной жизни многомиллионное общество, к тому же совсем недавно пережившее Гражданскую войну, было весьма неоднородным, и это

не могло не отразиться на отношении людей к войне. Какая-то часть советских граждан во время Великой Отечественной войны в силу неприятия советского строя, национального сепаратизма, малодушия пошла на сотрудничество с врагом. Однако, как уже говорилось, не они выражали и определяли общий настрой народа. В подтверждение приведем два факта.

Многие граждане нашей страны свою преданность советской власти подтверждали вступлением в ряды Коммунистической партии. За первое военное полугодие в Вооруженных силах было принято в партию в четыре раза больше людей, чем за тот же период до войны⁴⁰. При этом следует отметить, что фронтовики вступали в партию отнюдь не из карьеристских побуждений. Партийный билет давал им лишь одно право — быть впереди в бою.

Другой пример касается ситуации со спецпереселенцами — бывшими кулаками, проживавшими в спецпоселках Ставропольского края⁴¹. По данным на 1 октября 1941 г., здесь на учете состояло 43 360 человек. Во второй половине 1942 г. «кулацкая ссылка» Ставропольщины оказалась в зоне немецкой оккупации. В январе 1943 г. оттуда вместе с отступавшими немцами бежали 412 спецпереселенцев. Об остальных можно судить по письму секретаря Ставропольского крайкома ВКП(б) А. Орлова, датированному 11 июня 1946 г. и адресованному лично И. В. Сталину. В письме, в частности, говорилось: «В период Великой Отечественной войны из числа спецпереселенцев было призвано в РККА 7 636 человек, причем многие из них отличились в боях за советскую Родину. Из спецпереселенцев 3 человека удостоены звания Героя Советского Союза, 303 человека награждены орденами, 471 человек медалями и 564 человека возвратились в спецпоселки инвалидами Отечественной войны. В период временной оккупации края спецпереселенцы в своем абсолютном большинстве были настроены за Советскую власть, против гитлеровских захватчиков. Имели место факты, когда спецпереселенцы прятали у себя коммунистов и евреев». Из этой информации следует однозначный вывод: значительное большинство бывших кулаков, несмотря на серьезные претензии к Советской власти, проявило себя патриотами.

Еще раз подчеркнем — массовый героизм, который проявляли советские люди во время Великой Отечественной войны, особенно в ее начальный период, не имел прецедентов в истории. Английский писатель Г. Солсбери, писавший о защитниках Ленинграда, подчеркивал, что советские люди в войне проявляли героизм, просто недоступный его пониманию. Ему вторит Д. Даннинген: «Истоки мужественного поведения больших масс советских людей трудно поддаются нашему традиционному анализу»⁴².

Этот массовый героизм делает правомерными, понятными и принятыми обороты типа «мужество армии», «город-герой», «подвиг народа», и т. п.

Война сплотила общество, утвердила духовное единение его поколений и социальных групп, которое нашло свое проявление в народной воле к победе. Убежденные коммунисты и их идейные противники, атеисты и верующие, питомцы советской власти и ее изгои, люди самых различных национальностей сражались против фашистов.

Попытки доказать, что народ одержал войну вопреки «нажиму», не имеют основания.

Героизм армии и народа в Великой Отечественной войне — это историческое наследие молодых защитников новой России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Отечественной является всенародная война в защиту территориальной целостности, свободы и независимости государства. Она характеризуется максимальной мобилизацией всех сил и средств общества на отпор иноземному завоевателю. Общий патриотический подъем во имя победы сплачивает все социальные и национальные группы, служит основой массового героизма, самоотверженности людей на фронте и в тылу.

² См.: *Волкогонов Д. А.* Феномен героизма. О героях и героическом. М., 1985. С. 188.

³ <http://referat.resurs.kz/ref/nachalniy-period-velikoy-otechestvennoy-voyni/8/>

⁴ <http://kozmyash.59311s023.edusite.ru/p82aa1.html>

⁵ См.: *Мединский В. Р.* Война. Мифы СССР. 1939–1945. М., 2011. С. 147.

⁶ <http://az-libr.ru/index.shtml?Persons&000/Src/0009/index>

⁷ http://nnm.ru/blogs/kruasan3/on_byl_pervym_sredi_matrosovcev/

⁸ <http://www.warheroes.ru/stats.asp>

⁹ *Уткин А. И.* Вторая мировая война. М., 2003.

¹⁰ <http://victory.mil.ru/war/index.html> (официальный сайт Министерства обороны РФ)

¹¹ <http://monetnii.ru/ORBan.html>

¹² Цит. по: *Бушин В. С.* Дело: Злобный навет на Великую Победу. М., 2009.

¹³ Цит. по: *Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных сил. Статистическое исследование.* М., 2001. С. 456.

¹⁴ <http://www.apn.ru/special/article23951.htm>

¹⁵ *Россия и СССР в войнах XX века...* С. 246, 247.

¹⁶ См.: *Пыхалов И.* Великая Оболганная война. М., 2005.

¹⁷ Цит. по: *Кацва Л.* Советский Союз накануне Великой Отечественной войны // *История 1999.* № 43. С. 5.

¹⁸ Цит. по: *Уткин А. И.* Вторая мировая война.

¹⁹ Цит. по: *Солонин М. С.* У нас было две войны // <http://www.gramotey.com/books/1269096245.htm>.

²⁰ *Лиддел Гарт Б. Г.* Вторая мировая война.

²¹ *Великая Отечественная война 1941–1945.* М., 2001. С. 5–6.

²² *Военная энциклопедия: в 8 т. Т. 5.* С. 373.

²³ <http://victory.mil.ru/war/index.html> (официальный сайт Министерства обороны РФ)

²⁴ Там же.

²⁵ *Великая Отечественная война 1941–1945.* С. 5, 163, 166.

²⁶ <http://victory.mil.ru/war/index.html> (официальный сайт Министерства обороны РФ).

²⁷ *Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945: Краткая история.* 3-е изд. М., 1984. С. 100.

²⁸ <http://victory.mil.ru/war/index.html> (официальный сайт Министерства обороны РФ)

²⁹ Цит. по: *Уткин А. И.* Вторая мировая война.

³⁰ <http://rufort.info/index.php?topic=295.0>

³¹ <http://www.srho.ru/forum/index.php?PHPSESSID=jb2gcb08fsq8jbtuqoqpufef3&topic=257.120>

³² <http://world-war.ru/ob-oplate-truda-v-rajone-polevogo-stroitelstva-nkvd/>

³³ *Великая Отечественная война: Энциклопедия.* М., 1985. С. 232.

- ³⁴ Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945: Краткая история. 3-е изд. С. 135.
- ³⁵ Там же. С. 93.
- ³⁶ История советского крестьянства. М., 1987. Т. 3. С. 174–175.
- ³⁷ Великая Отечественная война: Энциклопедия. М., 1985. С. 644.
- ³⁸ *Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 44–45; Советская экономика в период Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1970. С. 263.
- ³⁹ Цит. по: *Уткин А. И.* Вторая мировая война.
- ⁴⁰ Партия и армия / Под общ. ред. А. А. Епишева. М., 1977. С. 190.
- ⁴¹ *Земсков В. Н.* Патриотический трудовой подвиг советского крестьянства в годы Великой Отечественной войны//<http://politpros.com/journal/read/?ID=270&journal=77>
- ⁴² Цит. по: *Волкогонов Д. А.* Феномен героизма. О героях и героическом. С. 25, 91.

Причины поражений Красной армии

Трагическое начало войны для Советского Союза было обусловлено рядом политических, экономических и военных факторов как международного, так и внутреннего характера. Причины неудач Красной армии были заложены в довоенном развитии советского общества, являлись следствием неправильного определения намерений нацистского руководства Германии, ошибок и просчетов в строительстве Вооруженных сил, стратегическом планировании, а также в государственном и военном руководстве летом 1941 г.

Хорошо зная о неполной готовности Советского Союза к отпору фашистской агрессии, И. В. Сталин всеми силами и средствами пытался оттянуть начало войны, стремился выиграть время, необходимое для завершения подготовки страны и ее Вооруженных сил. Боясь дать Гитлеру хоть малейший повод к нападению, он запрещал осуществление многих, крайне необходимых мероприятий по переводу войск в состояние необходимой степени боевой готовности. Грубый просчет в определении момента нападения нацистской Германии обернулся тяжелейшими поражениями и огромными потерями Красной армии в начальный период войны.

Среди основных причин поражений Красной армии в начале войны с Германией можно выделить следующие: материально-техническая неготовность СССР к войне, отсутствие у советских Вооруженных сил достаточного боевого опыта, устаревшие взгляды на начальный период войны, просчет в определении даты начала войны, изъяны кадровой политики, низкий технический уровень оперативно-тактического управления войсками, стратегические просчеты советского руководства при прогнозировании вероятных действий агрессора, неисполнительность военных кадров, неправильное использование ВВС в приграничных районах, отсутствие современного механизма принятия решений по стратегическому управлению Вооруженными силами.

В результате посредством тщательно спланированной кампании по дезинформации германскому командованию удалось до середины июня поддерживать у советского руководства иллюзию, что начало конфликта удастся оттянуть посредством дипломатических переговоров. Сдерживающее влияние на советские военные приготовления оказывали и стратегические соображения: если бы Гитлеру удалось выставить Советский Союз виновником конфликта, это могло, как опасались в Москве, стимулировать примирение между Берлином и Лондоном. В результате СССР пришлось бы вести войну не только против Германии и ее союзников, но и против более широкой коалиции государств.

Разрабатывая план войны, советское руководство допустило ошибку, сделав вывод, что вступление в сражение главных сил сторон хронологически не совпадет с началом военных действий. План ведения войны с Германией строился на неверном предположении о том, что в случае нападения командование вермахта будет стремиться в первую очередь к захвату экономически развитых районов Украины и Кавказа.

Быстрое развитие в конце 1930-х годов средств вооружения, особенно танков и авиации, позволило Германии кардинально изменить характер начального периода войны. Нанося мощнейший удар в первые ее дни, агрессор получал возможность подавить противоборствующую сторону до того, как она успеет развернуть и ввести в действие основную часть своих сил. Именно на такой стратегии зиждилось нападение вермахта на европейские страны в 1939–1940 гг. В полной мере она была реализована в плане «Барбаросса».

Советское военно-политическое руководство учитывало эту опасность, полагая, однако, что в отношении СССР такая стратегия не может быть применена Германией из-за огромных размеров территории Советского Союза, его колоссальных возможностей и неблагоприятного для вермахта соотношения сил и средств. Кремль был убежден, что в начальный период войны у Красной армии не могут возникнуть трудноразрешимые проблемы, поскольку военные действия будут развиваться по типовой схеме, характерной для прошлых войн. Действительность показала ошибочность этих убеждений. Перевод страны и Вооруженных сил с мирного на военное положение, стратегическое развертывание и ведение первых операций приобрели небывалую остроту, предопределив на долгие месяцы неблагоприятный для СССР ход событий.

В отличие от войск вермахта, полностью отмобилизованных и развернутых, обладающих двухлетним современным опытом ведения боевых действий, советские войска в основном оставались в штатах и дислокации мирного времени, были рассредоточены на огромной территории и не имели четко выраженной оперативной группировки, отвечавшей сложившейся обстановке. Отсутствовали, в частности, четкие меры по реализации плана развертывания и предупреждения его срыва противником. Выдвижение советских войск к границам в связи со все более явной угрозой нападения запаздывало. Начатое 22 июня вторжение противника застало Красную армию в момент, когда сосредоточение и развертывание войск еще не было завершено: советские дивизии и корпуса были разделены на три стратегических эшелона, не имевших между собой оперативной связи. Поэтому войскам вермахта в первые недели войны удавалось громить соединения Красной армии по частям, имея на решающих участках фронта значительное преимущество в силах.

Из-за ошибочного определения основного направления агрессии противника группировка главных сил советских войск была сосредоточена на юго-западном, а не на западном направлении, в результате чего было создано неблагоприятное для Красной армии соотношение сил. Советское командование допустило просчет и в определении сроков стратегического развертывания Вооруженных сил в условиях непосредственно надвигающейся агрессии. Считалось, что Германия перед нападением на Советский Союз в течение 10–15 суток будет производить развертывание своих сил на государственной границе. Между тем войска вермахта уже заранее были отмобилизованы и скрытно вели подготовку к наступлению.

Командование Красной армии было ограничено в возможности высказывать мнение о мерах, необходимых для нейтрализации военных приготовлений Германии, давать оценку степени опасности развязывания войны. В результате диктуемые обстановкой меры не осуществлялись или осуществлялись с опозданием, не достигая необходимого эффекта.

Оперативное развертывание планировалось без учета реального состава и боеготовности войск, в ряде случаев в первый эшелон включались соединения, формирование которых едва началось, наконец, большинство укрепленных районов создавалось рядом с границей. Исходя из предполагавшегося быстрого перехода на наступление склады и базы с запасами материальных средств также располагались на критически близком расстоянии от границы и в результате почти все попали в руки врага. По уточненному мобилизационному плану войска отмобилизовывались не в три, как предусматривалось первоначально, а в одну очередь, причем формирование многих соединений, в частности механизированных корпусов, планировалось без учета поступления техники, вследствие чего им пришлось сражаться, находясь в небоеспособном состоянии.

Развертывание сил приграничных округов к началу войны не отвечало требованиям обстановки. Войска прикрытия были равномерно растянуты вдоль всей границы и распола-

гались в глубину до 100 км, остальные находились в 250–500 км от границы. Передислокация войск, их размещение в новых пунктах, строительство новых укрепленных районов, оборонительных рубежей и аэродромов, из-за крайне ограниченного времени не были завершены, инженерная подготовка театра военных действий не закончена. Значительное количество мобилизованных запасов было сосредоточено в приграничной полосе и с началом боевых действий стало в большинстве своем трофеями противника.

Многие соединения приграничных округов, содержащихся по штатам мирного времени, не были полностью укомплектованы, а недостаточный уровень моторизации стрелковых частей и служб обеспечения обуславливал малую подвижность войск. Кроме того, сложный процесс перевооружения войск новой техникой и переподготовка личного состава требовали времени. Предусмотренное мобилизационным планом формирование новых частей, соединений и объединений оказалось в должной мере не подкреплено организационными мероприятиями по созданию материально-технической базы, обеспечению необходимым количеством военной техники, оружием и снаряжением. Запоздалым оказался переход в 1940 г. со смешанной территориально-милиционной на кадровую систему комплектования, что негативно сказалось на качестве мобилизационных ресурсов, пополнивших армию с началом войны.

Из-за частой смены командных кадров высшего звена, в том числе начальника Генштаба, завершить к началу войны оперативно-стратегическое планирование не удалось. Из всех документов плана войны в округах были отработаны лишь планы прикрытия. Прочие оставались в стадии доработки, а к разработке планов первых операций даже не приступали. Положение усугублялось еще и тем, что, стремясь оттянуть неизбежное столкновение с Германией, Сталин отклонял предложения Наркомата обороны о приведении приграничных военных округов в полную боевую готовность, поэтому вплоть до 22 июня они пребывали в режиме мирного времени. Любая инициатива командующих, направленная на повышение готовности соединений к отражению возможного нападения, решительно пресекалась Кремлем под предлогом того, что предпринимаемые шаги могут спровоцировать противника. Отдельные меры стратегического развертывания Вооруженных сил, правда с определенной осторожностью начали осуществляться лишь в конце весны 1941 г.

В сложнейших условиях проводилось оперативное развертывание войск. Директива наркома обороны № 1 о приведении войск в полную боевую готовность, отданная в половине первого часа ночи 22 июня, поступила в военные округа слишком поздно: до начала войны оставалось 1,5–2 часа. В некоторых армиях штабы заканчивали ее расшифровку уже после начала военных действий. До многих соединений приказ о приведении их в боевую готовность вообще не был доведен, и они оказались захваченными врасплох. На большинстве участков подъем войск по боевой тревоге и их выход на назначенные рубежи осуществлялся неорганизованно. Сразу же выявилось несоответствие планов прикрытия реальной обстановке. Попытки действовать строго по этому плану лишь усугубили и без того кризисное положение войск.

В Прибалтийском Особом военном округе до начала войны вышли на назначенные рубежи прикрытия у границы только отдельные батальоны и полки. Остальные войска развертывались и вступали в бой с превосходящими силами противника с марша. Особенно тяжелое положение создалось в Западном Особом военном округе, где начало войны застало большинство войск в военных городках. В Киевском Особом военном округе передовые части приступили к выходу на государственную границу к 4–6 часам утра, когда противник уже перешел ее, а на ряде участков глубоко вклинился на советскую территорию. Более благоприятной оказалась обстановка в Одесском военном округе, где начальник штаба генерал М. В. Захаров в отсутствие командующего по собственной инициативе, еще до получения директивы наркома обороны, отдал приказ о подъеме войск по боевой тревоге, занятии частями прикрытия своих районов и рассредоточении авиации по полевым аэродромам. Поэтому первые попытки противника перейти в наступление были здесь отражены.

Немецкие войска на территории Прибалтики

Агрессор же к моменту нападения обладал рядом преимуществ. Одним из важнейших было то, что войска вермахта находились в развернутом состоянии, в полной боевой готовности и вследствие просчетов советского политического и военного руководства получили возможность нанести мощные первоначальные удары на неразвернутые группировки и неотмобилизованные советские войска.

Несмотря на свои внушительные размеры, советские войска морально и институционально не были готовы к войне, которую намеревался вести Гитлер. РККА находилась в стадии гигантской реорганизации. Формировались новые механизированные и стрелковые корпуса, шел процесс переобучения личного состава, исходя из опыта польской и финской кампаний, строились аэродромы и укрепления, осваивался выпуск последних образцов танков и самолетов. И главное — не был правильно определен характер ведения будущей войны, не спрогнозированы последствия выступления Германии и ее союзников против СССР с полностью развернутыми главными силами. Отсутствовала ясность и в вопросе о том, как совместить оборонительную стратегию с концепцией ведения последовательных наступательных операций («глубокая операция» — по штабной терминологии 1930-х гг.). Врага намеревались остановить и обескровить у самой границы, а затем с подходом резервов развить контрнаступление в глубь его территории.

В ходе военных кампаний на Западе фашистская Германия захватила в странах Европы вооружение, громадные запасы металла, стратегического сырья, металлургические и военные заводы. Почти 6,5 тыс. предприятий в 12 оккупированных Германией стран в июне 1941 г. работали на гитлеровский вермахт, выполняя военные заказы на 4,6 млрд марок. 3,1 млн иностранных рабочих трудились в германской промышленности. Захват ряда европейских стран позволил Германии решить многие сырьевые, продовольственные и другие проблемы, нарастить мощности промышленности по производству оружия и военной техники, которые в основной массе в качественном отношении превосходили советские образцы. Экономика Третьего рейха уже к концу 1930-х годов была полностью переведена на военные рельсы, что позволило Германии задолго до нападения на СССР освоить и запустить в серийное производство новейшие образцы боевой техники и оружия¹.

Что касается Советского Союза, то он только приступил к выполнению третьего пятилетнего плана, составленного с учетом непрерывно нарастающей угрозы агрессии и необходимости технического перевооружения армии и флота.

Советское руководство принимало меры по развитию оборонной промышленности, увеличению производства военной техники и оружия. Однако сроки, установленные для поставки их в войска, нарушались. Внедрение разработанных конструкторами новых современных образцов оружия происходило медленно. Командование Красной армии проявляло нерешительность и медлительность при утверждении более современных образцов оружия. Многие ответственные военные руководители, в первую очередь бывший нарком обороны СССР председатель Комитета обороны при СНК СССР К. Е. Ворошилов, заместитель наркома обороны, начальник Главного артиллерийского управления маршал Г. И. Кулик, заместитель наркома обороны, начальник Управления по командному и начальствующему составу РККА Е. А. Щаденко и другие, оказались не в состоянии своевременно учесть возросшую роль авиации, танков, автоматического стрелкового оружия в современной войне и не приняли эффективных мер по оснащению Красной армии, прежде всего, приграничных военных округов, достаточным количеством противотанковых средств, зенитной артиллерии новых образцов, авиацией, средствами ПВО, современными радиолокационными станциями, пулеметами, пулеметами. Утверждению разработанного советскими конструкторами оружия, как правило, сопутствовала нерешительность, внедрение происходило медленно, руководство страны обращало недостаточно внимания на то, что сроки поставки в войска новой военной техники нарушаются. В военном строительстве, как и во многих других сферах народного хозяйства, преобладала погоня за «валом», количественными показателями в ущерб качественным.

Большинство советских танковых и механизированных дивизий, объединенных в 20 мехкорпусов, являлись боеспособными лишь на бумаге. В частях отсутствовали в необходимых

количества средства связи, что отрицательно сказалось на управлении войсками и с началом боевых действий позволило противнику обходить, окружать и бить советские части и подразделения, создавая на решающих участках значительное численное превосходство. Средств для быстрого выдвижения на рубежи обороны было недостаточно, даже в механизированных дивизиях не хватало автомобилей и тягачей.

Одной из важнейших причин трагического начала войны является незавершенность программы перевооружения Красной армии (его планировалось закончить, как минимум, к 1942 г.), недостатки организационной структуры ВВС и механизированных соединений. Перед войной не удалось ликвидировать разрыв в уровне развития советской и германской науки и техники. Накануне войны значительная часть военной техники, находившейся на вооружении Красной армии, по своим тактико-техническим характеристикам уступала немецкой. Что касается количества личного состава и основных видов вооружения, то к началу Второй мировой войны советские Вооруженные силы по этому показателю не уступали армиям ведущих государств Европы и Азии. Однако война с Финляндией показала, что качественный уровень во многом не соответствовал требованиям времени. Принятые советским руководством в 1940 г. решения знаменовали коренной поворот в военном строительстве, однако времени для осуществления столь существенных преобразований оставалось слишком мало. 80 % танков и самолетов были устаревшего типа. В составе западных приграничных округов удельный вес новых образцов танковой и авиационной техники составлял 18–22 %. Предпринимая в 1940 г. масштабную реорганизацию, руководство страны и командование РККА, судя по всему, не учитывали вероятности вступления СССР в войну уже в следующем году.

Войска противника были насыщены автоматическим оружием, в то время как в стрелковые части Красной армии лишь начали поступать пистолеты-пулеметы и самозарядные винтовки. Почти вся артиллерия вермахта была переведена на механическую тягу, в РККА же — лишь пятая часть. Укомплектованность ее механизированных корпусов всеми типами боевых машин не превышала 53 %, артиллерией — 40 %, автотранспортом — 39 %, мотоциклами — 17 %. В войсках состояли на вооружении 25 % танков устаревших конструкций, которые уже были сняты с производства. По данным Главного автобронетанкового управления Красной армии, на 1 июня 1941 г. около 91,3 % танкового парка составляли легкие машины. Сильно изношенные, они требовали ремонта, замены деталей и агрегатов, запас которых был скудным. Разнотипность советских танков (более десятка образцов) создавала дополнительные трудности в поддержании боеспособности частей и соединений². В отличие от вермахта, который имел оперативные объединения типа танковой группы, в Красной армии аналогичные формирования предполагалось создавать только по мере необходимости в ходе боевых действий. Аналогичная картина наблюдалась и в авиации.

Не имея возможности обеспечить армию вооружением и материальными средствами по установленным штатам, командование Красной армии не сумело внести необходимые изменения в порядок реорганизации и привести количество соединений и их штатную численность в соответствие с имевшимися в наличии техническими средствами. Мер, принятых в ходе реорганизации и технического переоснащения Вооруженных сил накануне войны, оказалось недостаточно, а допущенные просчеты снизили боеспособность армии. При общем значительном превосходстве в основных средствах вооруженной борьбы над вооруженными силами Германии и ее сателлитов советские Вооруженные силы оказались в парадоксальной ситуации: для полного укомплектования им не хватило танков, самолетов и орудий.

Одной из причин ошибок в реорганизации явился просчет в определении сроков начала войны. Судя по тому, что оснащение формируемых соединений самолетами, орудиями и танками планировалось завершить в основном к 1942 г., советское военное и политическое руководство надеялось, что в 1941 г. войны удастся избежать. В результате основная часть намеченных мероприятий оказалась к началу войны незавершенной, и это во многом снизило боеспособность Вооруженных сил. Они оказались не полностью укомплектованными людьми, особенно командным составом, военной техникой и оружием, а поэтому имели низкую подвижность, обученность и слаженность.

Другим преимуществом вермахта являлось качество военной техники. В отличие от советских соединений и частей, находившихся в состоянии формирования или реорганизации, соединения и части противника, полностью укомплектованные по штатам военного времени, слаженные и обученные, во всех звеньях имели хорошо теоретически и практически подготовленный командный состав. Существенную роль играло наличие у войск Германии богатого опыта почти двухлетних боевых действий в Европе. Одним из важнейших преимуществ вермахта перед советскими войсками являлось также превосходство в подвижности. Перед нападением на Советский Союз Германия получила в свое распоряжение автомобильный транспорт почти всей Западной Европы и оснастила им армию.

Советские Вооруженные силы были значительно ослаблены репрессиями 1937–1938 гг., в результате которых командно-начальствующий состав подвергся коренному обновлению. Из почти 40 тыс. уволенных командиров около 18 тыс. были арестованы. Особенно болезненный удар ощутил на себе высший комначсостав (от комбрига и выше). За два указанных года были арестованы и осуждены Военной коллегией Верховного суда СССР 408 человек руководящего и начальствующего состава РККА и РКВМФ, из них к высшей мере наказания — расстрелу был приговорен 401 человек³. Многие командиры и командующие, боясь ответственности стали менее инициативными и самостоятельными. Произошло падение уровня профессиональной подготовки и существенное ослабление политико-морального состояния и дисциплины личного состава.

Вместе с тем рост численности Вооруженных сил требовал все большего количества квалифицированных военных кадров. В связи с тем, что в период с 1938 по 1941 г. было сформировано большое количество соединений и объединений, особенно остро ощущалась нехватка подготовленных кадров оперативного звена. На вакантные должности зачастую назначались люди, не имевшие достаточного опыта и знаний. Вынужденная экономия горючего и боеприпасов, нехватка ремонтной техники и средств подвоза горючего, недостаток средств связи не давали возможности в должной мере подготовить танкистов и летчиков, отработать взаимодействие частей на поле боя и их обеспечение в полевых условиях. Эти факторы не могли не сказаться негативным образом с началом боевых действий.

Серьезный урон был нанесен и военно-теоретической мысли. Актуальные труды ряда видных военных теоретиков, подвергшихся репрессиям, оказались изъятыми из обращения. Решая многие важные вопросы, военная наука ориентировалась на нередко ошибочные сталинские установки. Непомерно большое место в военно-теоретических исследованиях занимал опыт Гражданской войны, заслоня изучение практики ведения боевых действий в предшествовавших Второй мировой войне региональных войнах. Широко распропагандированные лозунги, что наша армия в любом случае ответит «двойным ударом на удар» и победит «малой кровью», уже были опровергнуты в ходе «зимней войны» с Финляндией. Однако должных выводов сделано не было.

Обучение пехоты после Советско-финляндской войны 1939–1940 гг., казалось, проходило успешнее. Но и здесь сказалась институциональная слабость РККА. Стойкость бойца нивелировалась нехваткой автоматического оружия, отсутствием четкого управления частями, поддержки стрелковых соединений артиллерией, танками, авиацией. Паника — рядовое явление первых дней войны — это во многом следствие милиционной системы службы, при которой до двух третей резервистов оставались за пределами мест прохождения военной службы, а находившиеся в РККА часто отвлекались на выполнение хозяйственных задач.

Командиры старшего и среднего звена не предполагали встретиться с таким искушенным противником, каким являлся вермахт. В 1930–1940-х гг. оказалась ослабленной не только организационная основа войск, но и ее моральная составляющая. Офицеры, число которых по мере нарастания военной угрозы все увеличивалось, боялись принимать решения, не согласованные с вышестоящей инстанцией. В результате в бою возникали коллизии, прямо противоположные тем, что происходили в вермахте. Там командир, имея представление об общей ситуации на фронте, понимал свою роль в бою, знал свой маневр, наш же военачальник нередко терялся в оценке обстановки, сомневался в своих возможностях и в конце концов

проигрывал. Исключения из этого правила (Брест, Лиепая, Дубно) лишь подтверждают горькую правду начала войны: к блицкригу, который обрушился на страну, РККА была не готова.

Одним из крупных преимуществ вермахта являлся опыт ведения наступательных действий, полученный в ходе войны в Западной Европе. Немецкий солдат обладал не только хорошей боевой выучкой, но и высоким боевым духом, сформированным легкими победами на Западе. Командный состав владел практическими навыками управления войсками, использования на полях сражений крупных сил, оснащенных в большом количестве всеми видами боевой техники и вооружения. Подобного рода опыта советские Вооруженные силы не имели.

Красная армия готовилась к столкновению крупных механизированных соединений, для чего и формировались механизированные корпуса, каждый из которых должен был иметь две танковые (по тысяче машин) и механизированную дивизии. Но аналога танковым группам вермахта так и не было создано, управлять крупными танковыми соединениями толком не умели. В результате — быстрое поражение механизированных корпусов и вынужденная организационная перестройка соединений: отказ от корпусной системы, замена танковых дивизий на более легкие танковые бригады. Практику глубокого боя, наступления крупными соединениями до поры пришлось отложить.

«Сталинские соколы» — гордость Советского Союза — в предвоенные годы заставили замолчать даже самых отъявленных скептиков. Полеты пилотов-героев по периметру страны, через Северный Ледовитый океан, опыт отважных асов в войне с японцами, в небе Испании и в финской кампании — такими были достижения советских ВВС перед войной. Но те же самые самолеты, которые громили японцев в небе над Халхин-Голом в 1939 г., к 1941 г. морально устарели, требовали ремонта, на новые же самолеты типа МиГ-3, Як-1, Ил-2 обученных пилотов просто не хватало. Моторы боевых машин новых образцов были не долговечны, необходимого количества аэродромов, пригодных для рассредоточения истребителей и бомбардировщиков, не имелось, неудивительно, что в первый же день войны авиация РККА понесла серьезные потери.

К моменту вторжения агрессора сосредоточение и развертывание соединений Красной армии еще не было завершено. Неправильное определение характера начавшейся в 1939 г. Второй мировой войны и способов боевых действий германских войск привело командование Красной армии к выводу, что решительному наступлению противника будут предшествовать действия ограниченными силами. В связи с этим недооценивалась вероятная сила первого удара врага.

Оборона советских войск была очаговой и характеризовалась линейным расположением соединений, наличием больших разрывов и открытых флангов в оперативном построении, слабым инженерным оборудованием местности при нехватке противотанковых средств.

Попытки советского командования нанести ответные удары с переносом военных действий на территорию агрессора, предпринятые им на второй день войны, уже не соответствовали возможностям войск и, по сути, явились одной из причин неудачного исхода приграничных сражений. Запоздалым оказалось и решение о переходе к стратегической обороне, принятое лишь на восьмой день войны. К тому же этот переход происходил слишком нерешительно и одновременно. Он потребовал переноса основных усилий с юго-западного направления на западное. В результате значительная часть советских войск не столько сражалась, сколько перемещалась с одного направления на другое. Это давало противнику возможность громить соединения и даже объединения по частям, по мере их подхода к району сосредоточения.

Не предусматривался вариант вынужденного перехода советских Вооруженных сил к длительной стратегической обороне. Просчет в определении направления главного удара противника привел к неправильному распределению сил между приграничными округами, что, в свою очередь, вынудило советское командование уже в первые дни проводить крупную перегруппировку сил и средств.

Были допущены упущения и в подготовке театра военных действий. Строительство укрепленных районов к началу войны не было завершено, а на старой государственной гра-

нице готовые укрепления были законсервированы и не заполнены войсками. Командные пункты управления Вооруженными силами не строились. Генеральный штаб в спешном порядке вынужден был разместиться в метро. В плохом состоянии находилась дорожная сеть. Подготовкой дорог перед войной практически не занимались. Штаб 4-й германской танковой группы, оценивая дорожную сеть, в своем донесении сообщал: «...Состояние обозначенных под С-5 узлов дорог является катастрофическим. Автострада не обладает достаточной прочностью и при плохой погоде затрудняет движение автотранспорта. Глубокие выбоины и воронки делают автостраду непригодной. Асфальтовое покрытие можно встретить лишь на небольших участках. Шоссе 1-го и 2-го класса, как правило, немощеные. При плохой погоде щебенка вдавливается глубоко в грязь и делает дорогу непроезжей даже для тягачей. Тракты в сухую погоду пригодны, как и дороги, прежде всего вследствие возможности их расширения. В плохую погоду они непригодны»⁴.

Многие соединения приграничных округов, содержащиеся по штатам мирного времени, оказались недоукомплектованы, а низкий уровень моторизации стрелковых частей и служб обеспечения предопределил малую подвижность войск. Предусмотренное мобилизационным планом формирование новых частей не было подкреплено материально-технической базой, необходимым количеством военной техники, оружия и снаряжения. Ввиду отсутствия сплошного фронта обороны через образовавшиеся в нем бреши противник получил возможность наступать высокими темпами, упреждать наши войска в занятии выгодных для обороны рубежей, с ходу захватывая или обходя их, нанося удары с флангов и даже с тыла.

Непрерывное отступление деморализовывало личный состав, рождая боязнь окружения. Не чувствуя локтя соседа по обороне, некоторые части оставляли позиции и отходили даже тогда, когда противник наступал равными или меньшими силами. Морально-боевые качества Красной армии не соответствовали довоенным представлениям. Не прошли бесследно ни массовые репрессии, ни изъяны в идейно-воспитательной работе. Танко- и самолетобоязнь, страх у многих воинов попасть в окружение резко снижали устойчивость обороны. Особенно разлагающе действовало на личный состав неуверенное управление войсками. Оценивая причины бегства с поля боя командиров, политическое управление Западного фронта в своем донесении от 12 июля 1941 г. сделало вывод о том, что в период мирной учебы начальствующий состав изучался плохо. В результате «на руководящие должности назначались шкурники и карьеристы, которые во имя сохранения своей шкуры предали интересы Родины»⁵.

Начавшаяся война выявила существенные недостатки в управлении войсками. Среди причин, их обусловивших, была чрезмерная привязанность к проводным средствам связи. После первых же ударов авиации противника и действий его диверсионных групп постоянные линии проводной связи оказались выведенными из строя, а крайне ограниченное количество радиостанций, а также отсутствие необходимых навыков в их использовании не позволили наладить устойчивую связь. Командиры боялись радиопеленгации противником, а потому избегали пользоваться радио, предпочитая проводные и другие средства связи. Да и у органов стратегического руководства отсутствовали заранее подготовленные пункты управления. Ставке, Генеральному штабу, командующим родами войск и видами Вооруженных сил пришлось руководить войсками из абсолютно не приспособленных для этого кабинетов мирного времени. Из-за отсутствия связи не только штабы частей и соединений, но даже Генеральный штаб не имел возможности правильно оценить обстановку.

Причины катастрофического развития ситуации на Западном фронте в первые дни войны подробно стали анализироваться военно-исторической наукой с середины 1950-х гг. По мнению бывшего начальника оперативного отдела штаба Западного Особого военного округа генерал-майора Б. А. Фомина, изложенному в записке заместителю начальника Генерального штаба, Западный фронт постигла неудача по следующим причинам: численное превосходство противника (указывалось соотношение 1:5, или 12 советских дивизий против 64 германских, что могло иметь место лишь на направлениях главного удара войск вермахта, но не в целом по фронту); внезапность нападения; недостаточная обеспеченность средствами ПВО; отсутствие у фронта резервов, оборонительного рубежа по реке Шара и снятие с

него войск в ночь на второй день войны, «вследствие чего противник смог окружить 3-ю и 10-ю армии»; запоздалое занятие рубежей укрепрайонов вдоль старой госграницы войсками 13-й армии, «безграмотное вмешательство маршала Кулика в распоряжения [заместителя командующего фронтом] Болдина и [командующего 10-й армией] Голубева, что привело к бесславному концу подвижной группы фронта»⁶.

Штаб 4-й германской танковой группы в своем донесении от 7 ноября 1941 г. так оценивал действия советских войск: «До сих пор русские при развертывании операций пытались лишь изредка в оборонительных боях взять инициативу в свои руки, чтобы собственными операциями влиять на ход войны. В качестве примера в сфере боевых действий 4-й танковой группы следует назвать только удар у Старой Руссы в брешь между 18-й армией и танковой группой. Русские знали здесь обстановку и пытались использовать ее путем подтягивания сил. Выполнение, однако, было негибким и не удалось. Это действие только временно влияло на намерения немецкого командования. В дальнейшем ходе войны эти действия русского верховного командования в районе танковой группы проходили незаметно.

После последних поражений целью командования противника был выигрыш времени в надежде в постоянных боях истощить наступательную силу немецкой армии и измотать ее в глубине района при необычных для немецкого солдата климатических условиях. Преследуя эту основную мысль, русские не сдают добровольно ни одной местности, проводят контратаки, в большинстве случаев, правда, местного характера, невзирая на потери в людском составе и материальной части. Из этого можно сделать вывод, что русское верховное командование правильно оценивает обстановку и дает соответственно этому указания. Однако выполнение со стороны среднего командования является негибким. Оно не располагает при проведении боевых операций необходимой способностью влиять на развитие боя. Полное отсутствие самостоятельного решения. Командование слепо упорствует даже в безнадежном положении и действует только по данным приказам. Лучшим доказательством этого служат бои на уничтожение противника.

Низшее командование (до командиров рот), особенно действующих соединений, ведет борьбу хорошо. Ухудшение качества офицерского состава стало очень заметно после последних тяжелых потерь...

Русские почти никогда не знают, куда наносить главный удар. Пренебрежение флангами, которые находятся в опасности, способствовало успеху наших боев с целью окружить противника. Держатся до последней возможности, придерживаясь первоначального решения.

Следует отметить создание и занятие русскими новых линий сопротивления, несмотря на тяжелые потери в оборонительных боях, а также быстрое формирование новых пехотных и танковых соединений...

Подтягивание сил противником затруднялось во многих случаях, благодаря прекрасному действию нашей наземной и воздушной разведки. Наступление подготавливалось в основном с применением артиллерийского огня в запланированном направлении наступления. Огонь обычно выдавал замыслы, хотя часто даже не находился во временном взаимодействии с наступлением пехоты. Начало наступления проводилось часто на рассвете, за исключением более мелких ночных налетов.

Силы пехоты, использующейся для этого, колеблются от роты до полка. Введение в дело целиком одной или нескольких дивизий производится очень редко. Пехота развивала наступление плотными стайками при попытках вырваться из окружения, даже сомкнутыми колоннами. Продвижение происходило от рубежа к рубежу, время от времени — окапывание. Медленное планомерное продвижение в тех местах, где удалось местное вклинение в позицию, а также там, где вновь отражалось наступление. Взаимодействие с тяжелым пехотным оружием, артиллерией и авиацией было неудовлетворительным, а иногда, даже совершенно отсутствовало. Взаимодействия огня и движения не осуществлялось, не всегда имело место определение ясно выраженных участков главного удара пехоты и эффективности огня. Как правило, наступление проходило фронтально. Наступление с охватом противника и наступление с флангов проводилось самое большое в составе батальона. Почти каждое

наступление пехоты поддерживалось переменным количеством танков. Здесь было также плохое взаимодействие. Прежде всего осторожное продвижение вперед отдельных танков, затем удары в слабых местах, но всегда только на незначительную глубину. После удачного наступления отсутствовало планомерное использование успеха путем быстрого подтягивания резервов и преследования противника этими резервами или подвижными частями. Как только наступление задерживалось, русские немедленно окапывались. Неудачные наступления повторялись часто на том же самом месте, невзирая на жертвы...

Отрыв от противника русские начинали при поддержке мощного артиллерийского огня. Сам отход прикрывался боееспособными, подвижными, благодаря передвижениям на грузовиках, арьергардами, которым придавались отдельные орудия, несколько пулеметов и броневые автомобили; эти арьергарды боролись часто до самопожертвования...

Борьба в особой обстановке (засада, партизаны)... русские являются особыми мастерами.

В качестве примеров могут быть названы: засады, указание белыми полотнищами, а также отбрасывание оружия, чтобы взять его снова при сближении и открыть огонь на ближайшую дистанцию, применение «кукушек», которые затем открывали огонь по выгодным отдельным целям (офицеры, посыльные), пропустив большие соединения противника.

О деятельности партизан известно по трофейным документам. Деятельность их вышеуказанным, однако, не ограничивается...

Движение больших соединений происходит в основном ночью, и русские обычно используют леса в стороне от дорог. Моторизованные соединения двигаются, как правило, без света. Днем можно обнаружить только движение важнейшего транспорта со снабжением, отдельными автомашинами или более мелкими колоннами...

Русское командование смогло за короткий срок создать из остатков действовавших соединений, из отбившихся от своей части и из рядового состава пополнения новые, правда плохо вооруженные (прежде всего отсутствовало тяжелое оружие) подразделения и ввести их с успехом в бой. Это говорит о том, что организация была хорошая и соответствовала поставленной цели...

Свойственная русскому тупая покорность судьбе, недостаток подвижности, слепое послушание из страха быть расстрелянным делают из русского, присоединяя сюда его физическую закалку, хорошего одиночного бойца, особенно в обороне.

Поскольку русские соединения применялись против нас с начала войны, то настроение сильно упало благодаря постоянным неудачам. Вновь подтянутые свежие дивизии полностью боееспособны. Спешно сформированные в последнее время части из запасных подразделений, из отбившихся от своих частей и вновь мобилизованных, обладают небольшой способностью. У этих подразделений не хватает оружия...»⁷

В целом итоги начального периода войны оказались для СССР весьма трагичными. Советские войска потерпели тяжелое поражение. Тем не менее главная стратегическая задача вермахта, предусматривавшая уничтожение советских войск в Прибалтике, Белоруссии и Правобережной Украине, не была выполнена. «Гитлер был уверен, — писал генерал пехоты в отставке Курт фон Типпельскирх, — что с началом первых операций, как и в предыдущих кампаниях, ему удастся разбить основные силы русской армии и получить в результате этого полную свободу действий. Когда же после первых операций этого все же не произошло, в войне наступил первый большой кризис. Правда, операции всех трех групп армий, и особенно на направлении главного удара — в центре общего фронта, — прошли успешно, но они не привели ни к быстрому уничтожению всех вооруженных сил противника, ни к подавлению морального духа и мужества войск Красной армии, на что Гитлер так надеялся. Части и соединения русских войск продолжали стойко сражаться даже в самом отчаянном положении»⁸.

Оценка давалась и действиям родов войск Красной армии. Так о действиях стрелковых войск сообщалось:

«Боееспособность различна в зависимости от вышеуказанных причин. Под хорошим руководством и под влиянием хороших комиссаров пехотинец наступает, презирая смерть, и защищается до последнего патрона. Мастерство использования местности и маскировки,

большая подвижность на непроходимой с немецкой точки зрения местности, а также почти всегда хорошие результаты стрельбы характеризуют красную пехоту. К пулеметному огню красноармеец довольно нечувствителен; в противоположность этому он не в состоянии выдержать сосредоточенного артиллерийского и гранатометного огня. Особенно он питает страх перед атаками пикирующих бомбардировщиков. Сила красной пехоты в отношении вооружения состоит в многочисленном автоматическом оружии и минометах»⁹.

В донесении штаба 4-й германской танковой армии подробно рассматривались и действия советской артиллерии. В частности, говорилось:

«Русская артиллерия была подвижна в смене огневых позиций, но действовала по шаблону при ведении огня. Планомерное подавление нашей артиллерии было едва заметно, так как, по-видимому, имелись в ничтожном объеме разведывательные средства артиллерии. Очевидно, русские пользовались в большой мере поорудийным применением и расстановкой орудий на большом расстоянии друг от друга. Наоборот, в оборонительном бою применялся массированный артиллерийский огонь. Позиции находились обычно по обе стороны хороших транспортных дорог. Так как, вероятно, отсутствовало единое руководство и руководство огнем, то, несмотря на сильное сосредоточение огня, не достигалось решающего успеха. Недавно русские пытались сосредоточить огонь в дивизионах.

Красная артиллерия применяла огневые налеты обычно без пристрелки. Поразительна была всегда стрельба на высоких точках разрыва, которую можно оценивать, как выстрелы для ориентировки. Тяжелые русские батареи вели, казалось, стрельбу с помощью воздушной разведки. Однако можно было предполагать, что способ связи был затруднителен, принимая во внимание промежуток времени между появлением самолета и началом огневых налетов. Для маскировки от звукометрической разведки стрельба велась при наличии тяжелых орудий одновременно из 3—4 батарей.

При появлении немецких летчиков красная артиллерия прекращала огонь, по крайней мере, огонь сильно уменьшался даже при наступлениях немцев и переправах их через реки.

Орудий всех калибров, особенно средних, было с избытком, материальная часть современная и хорошая. Орудия в большинстве случаев тянутся тракторами. Темп походного движения поэтому незначителен, приспособлен для пехотинца.

С конца июля применяется РС (здесь имеется в виду установка реактивной артиллерии «катюша». — *Прим. ред.*) поодиночке, в последнее время — сведенные в полки. Это орудие применялось в строевом подразделении. После первого залпа следовала моментальная перемена позиций. Боеприпасов было в достаточном количестве. Так как изготавливать такое оружие легко и требуется немного материала для ствола, то следует рассчитывать в дальнейшем ходе войны на усиленное применение данного орудия»¹⁰.

Оценивая действия советских танкистов, германские штабисты отмечали:

«Начало войны застало русские танковые силы в момент реорганизации. Не могло идти речи о самостоятельных оперативных действиях, не говоря уже о первом танковом сражении... На протяжении кампании танки были предназначены исключительно для непосредственной поддержки пехоты. Они использовались группами до 10 машин. В оборонительных боях зарытые в землю танки использовались неоднократно, как доты. В боях осуществлялось недостаточное взаимодействие с другими родами войск и огневая поддержка танков...

Через некоторое время русские создали отдельные танковые бригады, которые по своей организации (танковый полк из трех батальонов, мотострелковый батальон, зенитный и противотанковые батареи) представляли собой подвижное войсковое соединение. Однако до настоящего времени они находились в соединении с пехотой (как прикрывающие).

При этом наблюдалось как быстрое сосредоточение, так и обеспечение материальной частью танковых соединений. Экипажи танков состояли из отборных людей с отличным боевым духом. В последнее время чувствовался недостаток в хорошо обученном, знакомом с танками персонале. Сами по себе танки были хороши. Не отвечающая требованиям войны материальная часть, частично поступившая в начале кампании, в дальнейшем не имела места. Со временем стали встречаться только тяжелые танки (например, Т-34, Т-35 и 52 и

64-тонные), которые частично превосходят немецкие и должны быть охарактеризованы как хорошее современное оружие. Немецкие противотанковые средства не были вполне эффективными против русских танков. Бронированные транспортные средства пехоты повышенной проходимости до сих пор не наблюдались.

Несмотря на отличную и численно превосходящую материальную часть, русские не могли использовать ее, по-видимому, из-за недостатка кадров, обученных к действиям в составе соединений»¹¹.

В донесении 4-й немецкой танковой армии высоко оценивались действия саперов Красной армии в ходе приграничных сражений. В нем сообщалось:

«Хорошая подготовка в подрывном деле, в строительстве оборонительных рубежей, в установке заграждений и минирований. В обороне русские широко применяли мины. Мины находились преимущественно в деревянных ящиках, против которых немецкие миноискатели не действовали. Недавно были выявлены мины, которые защищались от обезвреживания тем, что две мины связывались вместе. Подрывные заряды в искусственных сооружениях и на дорогах очень часто так укрыты и замаскированы, что выявить их невозможно. Такие мины взрывались посредством взрывателя замедленного действия или радиоприборами.

Недавно были обнаружены собаки с пристегнутыми зарядами, предназначенные для подрыва автомашин и особенно танков. Собаки забирались под танк и автомашины и этим вызывали взрыв»¹².

Негативную оценку получила организация связи в советских войсках. В германском донесении сообщалось, что «линии связи не отвечали требованиям современной войны. Как явствует из показания пленных русских, высших офицеров штаба, командование было недостаточно осведомлено о положении частей, о ходе боевых действий, вполне возможно, что негибкость руководства в большой мере связана с недостатком связи. Часто были случаи, когда переговоры велись без кодирования. Неизвестно, являлось ли это следствием недостаточной подготовки личного состава или следствием отсутствия кода»¹³.

Большое внимание в донесении штаба 4-й немецкой танковой армии уделялось оценке действий ВВС Красной армии в начале войны:

«Материальная часть и подготовка личного состава красной авиации явно слабее немецкой. Русские применяют свою авиацию прежде всего против передовых отрядов, и она ведет бой, несмотря на низкую облачность, на бреющем полете, в первую очередь своим бортовым вооружением. Они умело используют при благоприятной погоде подходящий момент, когда отсутствуют немецкие истребители. Каждая машина противника бронирована и поэтому нечувствительна к обстрелу с земли. Специальные разведывательные машины не наблюдались. Очевидно, наряду с основной задачей истребители выполняли задачи по разведке как побочное задание. Боевые соединения в сомкнутом строю использовались только в начале войны. Беспokoящие налеты на тылы предпринимались позднее отдельными машинами на большой высоте и под прикрытием облачности...»¹⁴

РККА выстояла и, несмотря на большие потери, сохранила силы для последующих сражений. За первые три недели кампании вермахт понес потери, каких не знал за предыдущие годы Второй мировой войны. По данным начальника Генерального штаба сухопутных войск вермахта генерала Гальдера, только в сухопутных войсках на 13 июля было убито, ранено и пропало без вести 92 тыс. человек, потери в танках составили 50 %¹⁵. Однако потери личного состава вермахта не превышали численности полевых запасных батальонов, за счет которых они и были восстановлены, поэтому боеспособность дивизий в основном сохранилась.

Оценивая оборону советских войск, штаб 4-й немецкой танковой группы в своем донесении сообщал: «Этот вид боя наиболее соответствует духу русских солдат. Инстинктивное использование местности, образцовое устройство позиции и прекрасная маскировка ярко характеризуют каждого красноармейца. Позиции строились целесообразно и в очень короткий срок. Для этого часто привлекалось принудительным путем население. Начертание главной линии сопротивления происходило обычно за участками реки и ручья, но переносилось в сторону от течения. Русские употребляли многочисленные подрывы и минирование.

При наличии более продолжительного времени они стремились к устройству расчлененной в глубину системе позиции, в этой системе создавались особые оборонительные опорные пункты — закрытые танки. Отдельные танковые орудия находились на дорогах и в населенных пунктах на особых установках.

Большое значение придавалось всегда противотанковой обороне. Если участок сам не представлял надежной защиты от танков, то сооружались противотанковые рвы. Кроме того, для борьбы против танков применялись: огнеметы с электрическим запалом, бетонными конусами и железными ежами. Если имелось достаточное количество времени, то в этом случае устанавливались многочисленные ложные сооружения. Открытие огня происходило обычно только с небольшой дистанции. На позициях русские боролись с исключительным упорством до последних сил. На вторжение русские отвечали внезапным контрударом, применяя также танки. Особенно следует отметить полную нечувствительность флангов. После прорыва вправо и влево русские стойко держались на своих позициях и пытались закрыть брешь контрударами. Даже в безнадежном положении русские не прекратили борьбу. Они пытались обычно пробиваться.

Русские приспособлялись к наступившей осенней погоде и возникшей, благодаря ей, непроходимости местности, которая не давала возможности моторизованным войскам оставить шоссе и вынуждала к перенесению главного района обороны на дороги...»¹⁶

Трагический исход начального периода войны и огромные потери советских войск не позволили довести численность Вооруженных сил до предусмотренного мобилизационным планом уровня и заставили пересмотреть его принципиальные положения. Для восполнения потерь, комплектования большого количества новых войсковых соединений и создания резервов в августе 1941 г. была проведена дополнительная мобилизация еще 14 возрастов военнообязанных 1890—1904 гг. и призывников до 1923 г. рождения, а также началось формирование ополченских соединений на добровольной основе. В итоге к концу 1941 г. численность Вооруженных сил стала составлять около 9,5 млн человек, на 600 тыс. больше предусмотренной мобилизационным планом.

Последствия начального периода войны оказались исключительно тяжелыми для СССР и его Вооруженных сил. Но и противнику победа досталась немалой ценой. Впервые с начала Второй мировой войны он встретил упорное сопротивление. В целом, несмотря на крупные поражения, Красная армия и Военно-морской флот смогли серьезно нарушить первоначальный стратегический замысел врага. Агрессор не достиг целей, поставленных в директиве от 31 января 1941 г. главного командования сухопутных войск вермахта, которая развивала и конкретизировала принципы войны против СССР, изложенные ранее в директиве № 21 (План «Барбаросса»), а ближайшей стратегической целью было определено уничтожение войск Красной армии к западу от Днепра и Западной Двины¹⁷.

Конечно, в сравнении с потерями, понесенными советскими войсками, противнику был нанесен не столь серьезный ущерб. Но и он не шел ни в какое сравнение с потерями германской армии в Западной Европе. Теперь, после окончания приграничных сражений ударные группировки вермахта уже не могли безостановочно наступать, как это предполагалось по плану «Барбаросса». Германское командование вынуждено было делать оперативные паузы в действиях своих войск, осуществлять перегруппировку сил, ставить новые задачи и вновь организовывать наступательные операции с прежними целями.

В целом из-за допущенных ошибок и просчетов начальный период Великой Отечественной войны завершился поражением советских Вооруженных сил. Германское командование поспешило заявить о том, что СССР войну проиграл¹⁸. Начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал Ф. Гальдер в своем дневнике записал: «...не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней»¹⁹.

Однако, несмотря на серьезные потери, считать Красную армию разгромленной было явно преждевременно. Основная борьба еще только предстояла.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. М., 2011. Т. 1. Основные события войны. С. 44–60.

² Подробнее см. там же. С. 44–49, 61–98.

³ Реабилитация: политические процессы 30–50-х годов. М., 1991. С. 300–302.

⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 451, Л. 116.

⁵ Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. М., 1998. Кн. 1. С. 166.

⁶ ЦАМО. Ф. 15. Оп. 725588. Д. 36. Л. 294–302.

⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 451, Л. 111–114.

⁸ Цит. по: Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных. СПб, М., 1998. С. 74.

⁹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 451. Л. 112–116.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Гальдер Ф. Военный дневник: в 3 т. / Пер. с нем. М., 1971. Т. 3. Кн. 1. С. 66.

¹⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 451, Л. 111–112.

¹⁷ Подробнее см.: Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 99–100. Гальдер Ф. Военный дневник / Пер. с нем. М., 1969. Т. 2. С. 368, 374.

¹⁸ См.: Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 165–166.

¹⁹ Гальдер Ф. Военный дневник / Пер. с нем. Т. 3. Кн. 1. С. 79.

Создание антигитлеровской коалиции

Антигитлеровская коалиция (по англо-американской терминологии Grand Alliance) — уникальное явление в мировой истории. В борьбе за свободу и независимость против агрессии нацистской Германии и ее союзников, развязавших Вторую мировую войну, объединились и одержали победу 50 государств с различной социальной системой и положением в мире, сотни миллионов людей многих стран. Ядром коалиции, главной ее силой явились СССР, Великобритания и США. Важная роль в коалиции принадлежала Китаю, Франции, а также Индии, Канаде, ЮАР, в то время британским колониальным владениям, Бразилии и ряду других стран.

Возникновение в XX веке оборонительных коалиций, противостоящих агрессивной политике Германии, относится к 1904—1907 гг., когда был создан военно-политический союз (Антанта) между Англией, Францией и Россией. В ходе Первой мировой войны этот союз объединил против германской коалиции около 30 государств (среди них США, Италия, Япония) и силой принудил агрессоров к капитуляции.

В 1939 г. была создана потерпевшая скоротечное поражение коалиция Англии, Франции и Польши. Вооруженные силы Польши, несмотря на сопротивление, подверглись разгрому в течение двух недель. 17 сентября 1939 г. правительство Польши покинуло пределы страны, а затем эмигрировало в Англию. В тот же день, 17 сентября, на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины, ранее входивших в состав России, вступили части Красной армии, что было предусмотрено советско-германским договором о ненападении от 23 августа 1939 г. и воспрепятствовало дальнейшему продвижению вермахта на восток. Германские войска, оккупировав Данию и Норвегию, 10 мая 1940 г. перешли в наступление на Западном фронте и нанесли сокрушительное поражение силам англо-французской коалиции на европейском континенте. 22 июня 1940 г. Франция капитулировала. Так завершила свою историю англо-франко-польская коалиция 1939—1940 гг.¹

Перед нападением нацистской Германии на Польшу правительства СССР, Великобритании и Франции вели переговоры о создании коалиции для отпора германской агрессии, но они закончились безрезультатно².

Весьма распространенное представление о том, что антигитлеровская коалиция возникла как бы в одночасье с нападением нацистской Германии на СССР, требует корректировки. Этому предшествовали длительные и сложные, временами драматические переговоры СССР, Великобритании и США. С Великобританией они начались в октябре 1939 г., с Соединенными Штатами Америки — в апреле 1940 г. Стороны достигли значительного взаимопонимания, однако конечный и ожидаемый результат переговоров был неясен до последнего часа³.

Важнейшими событиями на пути создания и становления Антигитлеровской коалиции явились решения правительства Великобритании и США о поддержке СССР в войне с Германией, заключение англо-советского соглашения 12 июля 1941 г., Декларация 26 государств, англо-советский договор и американо-советское соглашение 1942 г.

Как только известие о нападении Германии на СССР было сообщено Черчиллю, он вызвал к себе в Чекерс (загородную резиденцию) министра иностранных дел А. Идена, министра снабжения лорда Бивербрука, начальника генерального штаба фельдмаршала Д. Дилла, а также посла Великобритании в СССР С. Криппса и совместно с ними обсудил создавшуюся ситуацию. На совещании было принято решение выступить с заявлением о поддержке СССР в войне против Германии. В ходе подготовки этого документа обнаружилось расхождение в оценке способности СССР к сопротивлению, и только за 20 минут до начала выступления премьер-министра по радио текст заявления был окончательно утвержден⁴. В заявлении Черчилля вечером 22 июня подчеркивалось, что, оставаясь непримиримым противником коммунизма, британское правительство рассматривает нападение гитлеровской Германии на Советский Союз как прелюдию попытки вторжения на Британские острова. «Поэтому опасность, угрожающая России, — заявил он в своем выступлении, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам, точно так же, как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, — это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара»⁵.

Советский посол в Лондоне И. М. Майский сообщил в Москву: «Эффект акции Черчилля был огромен как в самой Англии, так и в США... Вы знаете из моих предыдущих сообщений, я считал британскую волю к войне достаточно устойчивой и не предвидел возможности англо-германской сделки в непосредственном будущем. Я допускал поэтому, что в случае германской атаки на СССР Англия займет благоприятную для нас позицию. Однако быстрота и решительность, с которой такая позиция действительно была занята, явилась для меня приятным сюрпризом...»⁶

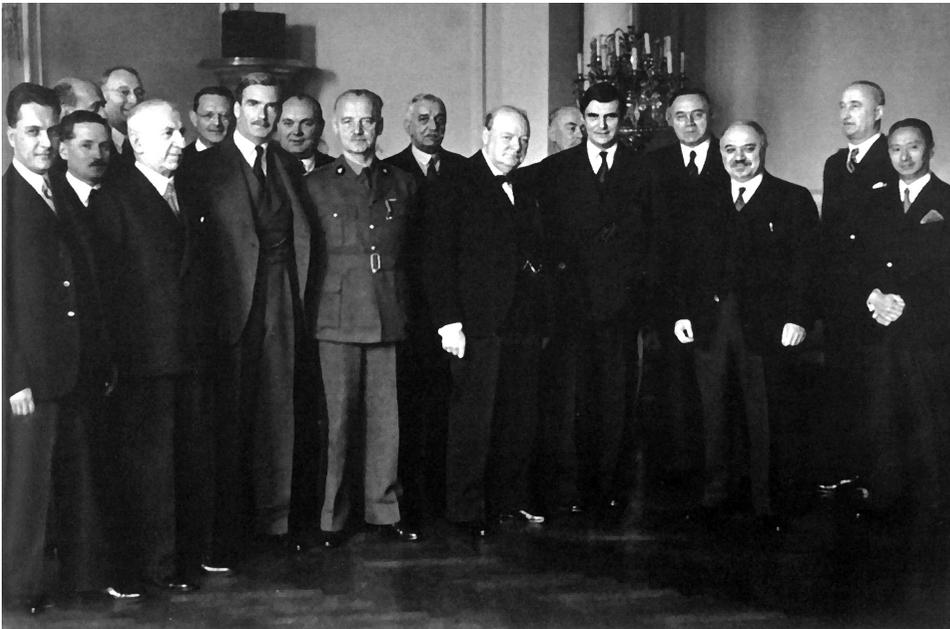
Первое официальное заявление правительства США последовало 23 июня 1941 г. В заявлении госдепартамента констатировалось, что СССР находится в состоянии войны с Германией, что, по мнению правительства США, «всякая оборона против гитлеризма, всякое объединение с силами, противостоящими гитлеризму, какой бы характер эти силы ни носили, будут способствовать возможному свержению нынешних германских лидеров и будут служить на пользу нашей собственной обороне и безопасности. Гитлеровские армии являются в настоящее время главной угрозой для американского материка»⁷.

24 июня 1941 г., выступая на пресс-конференции, президент США Ф. Рузвельт заявил: «Разумеется, мы собираемся предоставить России всю ту помощь, которую сможем»⁸. 27 июня 1941 г. посол СССР в США К. Уманский посетил исполняющего обязанности госсекретаря США С. Уэллеса и официально уведомил правительство США о гитлеровской агрессии против Советского Союза. В ответ на это Уэллес заявил, что все факты, вытекающие из этого, «будут рассматриваться правительством США немедленно и в дружественном духе»⁹.

3 июля И. В. Сталин в обращении к советскому народу выразил уверенность в том, что справедливая борьба советского народа за свободу страны «сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы». В обращении было отмечено «историческое выступление» британского премьер-министра и декларация правительства США, «которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза»¹⁰.

Несколькими днями раньше в палате общин английского парламента на повестку дня был поставлен вопрос «Германское вторжение в Россию». С заявлением от имени правительства выступил А. Иден.

Он информировал парламентариев о первых шагах, предпринятых для установления непосредственных контактов между Лондоном и Москвой. Выступавшие в прениях члены парламента поддержали позицию правительства и высказались за союз с СССР. На этот раз правительство Великобритании действовало энергично и последовательно. Уже 27 июня в Москву прибыли члены английской военной и экономической миссий. В военную миссию входили генерал-лейтенант М. Макфарлан, контр-адмирал Д. Майлс, вице-маршал авиации А. Кольер. Экономическую миссию возглавлял Л. Кадбэри. Вместе с ними возвратился в Москву английский посол С. Криппс. Немногим более чем через неделю в Англию и США направилась советская военная миссия во главе с заместителем начальника Генерального штаба

После подписания Соглашения между Правительством СССР и Правительством Польской Республики о восстановлении дипломатических отношений и о создании польской армии на территории СССР. Лондон. 30 июля 1941 г.

Советская военная миссия во главе с генералом Ф. И. Голиковым и адмиралом Н. М. Харламовым. Лондон. 8 июля 1941 г.

РККА начальником Главного разведывательного управления генерал-лейтенантом Ф. И. Голыковым. Переговоры происходили в обстановке взаимного понимания и сотрудничества.

Происходящие события Второй мировой войны ускорили процесс англо-американского сближения. При этом большое значение имела встреча Рузвельта и Черчилля у берегов Ньюфаундленда и подписание 14 августа 1941 г. двумя лидерами Атлантической хартии, в которой провозглашались некоторые общие принципы политики и особые отношения этих стран. Правительства Великобритании и США заявили об отказе от захвата чужих территорий, признавали право народов избрать себе форму правления, при которой они хотят жить, готовность содействовать восстановлению суверенных прав тех народов, которые были его лишены насильственным путем, призывали к послевоенному сотрудничеству государств, отказу от применения силы в международных отношениях и гонки вооружений. В послании главе советского правительства Рузвельт и Черчилль сообщали о своей готовности оказывать помощь Советскому Союзу «максимальным количеством тех материалов, в которых Вы больше всего нуждаетесь»¹¹.

На состоявшейся в Лондоне межсоюзнической конференции советское правительство 24 сентября 1941 г. в специальной декларации выразило свое согласие с основными принципами Атлантической хартии и уверенность, что в результате победы над гитлеризмом будут заложены основы отношений сотрудничества и дружбы между народами. Вновь была выдвинута идея коллективной безопасности как условия длительного и прочного мира, которую Советский Союз отстаивал в годы, предшествовавшие началу Второй мировой войны. В декларации также отмечалось, что практическое применение принципов Атлантической хартии «должно будет сообразовываться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны»¹².

12 июля 1941 г. было заключено англо-советское Соглашение о совместных действиях в войне против Германии, которое явилось первым важным шагом в создании Антигитлеровской коалиции. Стороны, подписавшие соглашение, обязывались оказывать друг другу помощь в войне против гитлеровской Германии и заявили, что «в продолжение этой войны они не будут ни вести переговоров, ни заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия»¹³.

Соглашение, которое широко приветствовалось в Великобритании и Советском Союзе, имело большое международное значение. Выступая на пресс-конференции иностранных корреспондентов, заместитель начальника Совинформбюро С. А. Лозовский назвал его документом большого исторического значения, «в корне меняющим международную обстановку». Лозовский отметил, что в противовес хвастливым декларациям гитлеровцев о том, что они создадут коалицию европейских стран в своем походе против СССР, соглашение создавало действительную коалицию великих держав в борьбе против общего врага. «Соглашение от 12 июля... — заявил Лозовский, — это не только документ братства по оружию в борьбе за свободу и независимость народов СССР, Великобритании и всей Европы, но это также документ, свидетельствующий о неизбежности полного и окончательного разгрома германского фашизма, мечтающего о господстве над Европой и над всем миром»¹⁴.

16 августа 1941 г. состоялось подписание англо-советского соглашения о товарообороте, кредите и клиринге. Это соглашение предусматривало поставки английских товаров в СССР и некоторых советских товаров в Англию. По соглашению Англия предоставляла Советскому Союзу для оплаты товаров кредит в 10 млн фунтов стерлингов из расчета 3 % годовых сроком в среднем на пять лет. Платежи между сторонами регулировались на основе клиринга. В дальнейшем предусматривались переговоры об увеличении суммы английского кредита¹⁵.

Весомым фактором в создании англо-советского союза явилась позиция английской общественности.

«Еще накануне германского наступления, — отмечают известные британские историки Д. Эриксон и Д. Дилкс, — в министерстве иностранных дел, с запозданием признав масштабы военной угрозы Советскому Союзу, были вынуждены рассматривать вероятность совместной борьбы и «неприятную реальность» нарастающей огромной симпатии к русским»¹⁶.

С первых же дней вероломного нападения гитлеровской Германии на СССР по всей Англии прокатились митинги в поддержку освободительной борьбы советского народа. Большинство населения, часть которого не скрывала своего неприятия советского режима, настроилось на создание широкой коалиции государств для противостояния агрессорам, приветствовало объединение с Советами во имя победы над нацистской Германией.

В поддержку Советского Союза выступил профсоюз шотландских горняков, а затем Конгресс британских тред-юнионов и Лейбористская партия, опубликовавшие 1 августа 1941 г. специальное заявление относительно англо-советского сотрудничества. В нем, в частности, говорилось: «Конгресс тред-юнионов и Лейбористская партия настоящим выражают свою высокую оценку усилий Советского Союза в общей борьбе против гитлеризма. Они приветствуют широкий характер сотрудничества, которое развивается между Великобританией и СССР»¹⁷.

В Англии не осталось почти ни одного крупного населенного пункта, в котором не было бы создано местного общества англо-советской дружбы. Инициированная лордом Бивербруком «неделя танков для России» (22–28 сентября 1941 г.) ознаменовалась высокой активностью рабочего класса, который «стал оказывать на политическую систему влияние, гораздо более соответствовавшее его численности»¹⁸.

Большой популярностью пользовались так называемые недели дружбы с СССР, основной задачей которых являлось ознакомление английской общественности с жизнью советского народа.

Вместе с тем и антисоветские силы в Великобритании оказывали влияние на политику страны. Именно в их среде находилось большинство скептиков, убежденных в том, что Советский Союз в войне с Германией долго не продержится. Такая точка зрения высказывалась многими английскими военными и политическими деятелями. Знаток этих настроений Г. Городецкий отмечает, что начальники английских штабов высчитывали, насколько советское сопротивление задержит высадку вермахта на Британские острова, и пришли к выводу, что «не более чем на восемь недель»¹⁹. Но были и те, кто не разделял сомнений по поводу способности Советского Союза к сопротивлению. К ним в первую очередь относились лорд Бивербрук, Х. Дальтон, Э. Бивен и некоторые другие влиятельные политики.

Выражая настроение недругов СССР в Англии, отдельные деятели (среди них министр авиационной промышленности Д. Мур-Брабазон) и прочемберленские органы печати выступали с открыто враждебными статьями по отношению к Советской стране, призывали англичан отказаться от какого бы то ни было сотрудничества с Советским Союзом. Показателен и такой факт. С начала Второй мировой войны в Англии установилась традиция еженедельно передавать по радио гимны всех союзников Англии. Однако, несмотря на то что Советский Союз являлся союзником Англии, Британская радиовещательная корпорация Би-би-си в нарушение существующей традиции отказалась передавать гимн СССР (в то время это был «Интернационал»), что вызвало острую дискуссию в парламенте. 9 июля 1941 г. член парламента С. Сильвермен запросил министра информации о причинах такой дискриминации. Возгласами неодобрения встретила палата общин заявление представителя правительства о том, что причиной позиции министерства информации являлось то обстоятельство, что «Интернационал» якобы не был советским национальным гимном в собственном смысле этого слова и поэтому его неудобно было передавать. Через несколько дней после этих дебатов Би-би-си включила в свои передачи вместо советского гимна песню «Широка страна моя родная», но в итоге исключила весь цикл такого рода передач. Подобные эпизоды встречали отпор большинству английской общественности и вынуждали противников сотрудничества с Советским Союзом уходить за кулисы политической жизни Англии²⁰.

В конце августа 1941 г. по согласованию между правительствами Великобритании и СССР советские и британские войска были введены в Иран и в начале сентября вступили в Тегеран, предотвратив вовлечение страны в войну на стороне Германии.

Остановимся на этом важном для того времени событии подробнее. Ввод советских и британских войск в Иран, осуществлявшийся с 25 августа 1941 г., стал первой совместной

военно-политической акцией новых союзников — СССР и Великобритании. Наряду с начавшимися в это же время военными поставками в Советский Союз (первый английский конвой прибыл в Архангельск 31 августа) это было зримым свидетельством формирования Антигитлеровской коалиции, перехода союзников к реальным, конкретным делам.

Еще каких-то 2—3 месяца назад едва ли можно было представить солдат этих двух стран в совместном походе, тем более в Иран (до 1935 г. — Персия), который в течение XIX в. и начале XX в. являлся объектом острого соперничества между Россией и Британией. Исключением стало десятилетие после подписания в 1907 г. соглашения, которое предусматривало раздел Персии на русскую (север) и английскую (юг) зоны влияния. В годы Первой мировой войны русские и английские войска действовали с иранской территории против турок на Кавказском и Месопотамском фронтах. Так что прецедент совместной англо-русской военной акции в отношении Персии уже имел место.

Затем последовали революция в России, британская интервенция с персидской территории в Закавказье и Закаспий, новый виток соперничества двух держав в межвоенный период. С началом Второй мировой войны дело дошло до того, что через Иран планировалось нанесение англо-французского удара по основному советскому нефтяному району в Баку.

Однако пока Москва конфликтовала с Лондоном, в дело вмешалась третья сторона — нацистская Германия. Гитлеровцы интересовались Ираном как стратегическим плацдармом для действий против СССР и Британской империи, а также как источником сырья, прежде всего нефти, хлопка и шерсти. Германский фактор становился всё более весомым во внутри- и внешнеполитической жизни Ирана. Нацистская пропаганда энергично проталкивала идею об общем «арийском происхождении» и «арийском братстве» немцев и персов. В 1940 г. почти половина внешней торговли Ирана приходилась на Германию. Немцы участвовали в модернизации и расширении железных дорог, организовали авиалинию Берлин — Кабул, проходившую через Иран.

Особую важность приобрели военные связи между Берлином и Тегераном: поставки немецкого оружия и военного снаряжения, направление немецких военных инструкторов и советников, обучение иранских курсантов в германских военно-учебных заведениях. В Иран с разведывательно-диверсионными целями активно внедрялась германская агентура.

Стремительный рост могущества Третьего рейха, его агрессивная, экспансионистская политика вызывали интерес, а порой и восхищение иранской элиты. Наиболее сильны были прогерманские настроения в высшем командном составе армии. В итоге к концу 1930-х гг. нацисты изрядно потеснили в Иране и русских, и англичан.

Вместе с тем, как утверждается в новейших исследованиях отечественных ученых²¹, назвать внешнеполитический курс Ирана полностью прогерманским нельзя. Правитель страны Реза-шах Пехлеви пытался маневрировать между Москвой, Лондоном и Берлином, волей-неволей все более широко сотрудничая с последним, самым активным и успешным игроком из этой тройки. При этом Реза-шах не терял осторожности и сохранял прагматизм, чтобы не оказаться жертвой очередного «раздела» или «передела» мира, как, например, после советско-германских переговоров в Берлине в ноябре 1940 г., когда поползли слухи о «согласии» Германии предоставить СССР зону влияния к югу от его границ, в сторону Индийского океана.

В условиях начавшейся Второй мировой войны Тегеран 4 сентября 1939 г. заявил о своем нейтралитете. 26 июня 1941 г. после нападения Германии на Советский Союз, эта позиция была вновь подтверждена.

Между тем Гитлер, не сомневаясь в успехе операции «Барбаросса», строил планы последующей экспансии, намереваясь после разгрома СССР прорваться на Ближний и Средний Восток и дальше двигаться через Иран на Британскую Индию. Более того, в документе, датированном 23 августа 1941 г., фюрер мотивировал свое решение бросить силы не на Москву, а на юг тем, что, в частности, политически было крайне необходимо «дать Ирану надежду на возможность получения в ближайшее время практической помощи от немцев в случае сопротивления угрозам со стороны русских и англичан»²².

Немцев, по всей вероятности, уже не устраивал недостаточно прогибавшийся перед ними старый шах. Как утверждают некоторые авторы, в июле — августе 1940 г., а затем в августе 1941 г. профашистские силы собирались осуществить государственный переворот. Не случайно летом 1941 г. руководитель абвера адмирал В. Канарис посетил Иран.

Однако противники рейха не дремали. Москва и Лондон очень быстро нашли общий язык в отношении Ирана.

Конечно, у каждого из них были свои мотивы. Англичан заботило сохранение контроля над иранской нефтью, главную роль в добыче и переработке которой играла Англо-иранская нефтяная кампания. Ее заводы обеспечивали топливом британские войска к востоку от Суэца, флот на Средиземном море и в Индийском океане и являлись единственными производителями авиационного топлива в регионе. В стратегическом плане важно было соединить зоны действия британских войск на Ближнем Востоке и в Индии.

Советскому Союзу надо было обеспечить безопасность южных рубежей и бакинской нефти. Москва также хотела создать задел для укрепления собственного влияния в соседней стране, не оставляя ее под единоличным контролем союзника. Поэтому И. В. Сталин не откликнулся на сделанное позже, в октябре 1941 г., предложение британского премьера У. Черчилля заменить в Иране советские войска английскими при соблюдении интересов СССР.

Но очевидными были и общие мотивы действий СССР и Великобритании: во-первых, уничтожение германской «пятой колонны» в Иране, недопущение превращения этой страны в сателлита Германии и тем более в военный плацдарм для действий против союзников; во-вторых, гарантирование поставок англосаксами военных материалов в Советский Союз через «персидский коридор».

В Москве и Лондоне ясно понимали первостепенную важность именно этих двух обстоятельств. Так, У. Черчилль подчеркивал необходимость «главным образом» добиваться открытия коммуникации от Персидского залива до Каспийского моря и изгнания всех немцев из Ирана. «Глубокие и шекотливые вопросы о нефти, коммунизме и послевоенном будущем Персии», по его мнению, стояли «на втором плане»²³.

Потенциальную военную угрозу с территории Ирана нельзя было игнорировать. В случае профашистского государственного переворота угроза с юга для СССР стала бы вполне реальной. Даже от Реза-шаха Гитлер требовал вступить в войну на стороне Германии и ставил вопрос о передаче люфтваффе иранских авиабаз, к строительству которых немецкие специалисты имели прямое отношение²⁴. Если немецкая авиация весной — летом 1941 г. действовала в Сирии и Ираке, она вполне могла появиться и в Иране при прогерманском режиме. Впрочем, не только люфтваффе, но и сухопутные силы вермахта в недалеком будущем окажутся не так уж далеко от Ирана, когда через год, в августе 1942 г., прорвутся к Главному Кавказскому хребту.

Для англичан иранская операция логично вытекала из их действий на Ближнем Востоке. В апреле 1941 г. в Ираке к власти пришло правительство Рашида Али аль-Гайлани, которое открыто выступило против Британии и развернуло сотрудничество с гитлеровской Германией. Начались открытые боевые действия англичан против иракцев. По договоренности с вишистским режимом немцы стали переправлять военные материалы по воздуху через Сирию в Ирак. Но английские войска 30 мая взяли Багдад и свергли антибританский режим, а вслед за этим развернули наступление на Сирию и Ливан, взяв их под свой контроль к середине июля 1941 г.

Как вспоминал У. Черчилль, когда мятеж в Ираке был подавлен, а Сирия оккупирована, «мы были рады возможности объединиться с русскими и предложили им провести совместную кампанию»²⁵.

11 июля британский кабинет поручил начальникам штабов рассмотреть вопрос о желательности действий в Иране совместно с русскими, если Тегеран откажется выслать германскую колонию.

К этому времени иранский вопрос уже активно обсуждался между Москвой и Лондоном по дипломатическим каналам. 22 июня посольство Великобритании заявило советской

стороне о готовности своего правительства оказать помощь в снабжении СССР через Персидский залив. При этом делалась ссылка на беседу министра иностранных дел А. Идена с советским послом И. М. Майским²⁶.

28 июня народный комиссар внешней торговли СССР А. И. Микоян с конкретными цифрами обсуждал с британским послом С. Криппсом и его сотрудниками пропускную способность Трансиранской железной дороги, а также иранских шоссейных дорог и возможности наращивания поставок.

И. В. Сталин неоднократно говорил о ситуации в Иране с С. Криппсом. Так, указав 8 июля на необходимость демарша в Тегеране, они уже 10 июля сошлись во мнении, что дипломатические меры, может быть, придется поддержать военными. О том же говорил У. Черчилль с советским послом И. М. Майским²⁷.

Москва заявляла Тегерану о готовности принять немедленные меры для доставки по своей территории транзитных грузов в Иран, в том числе вооружения. В ответ утверждалось, что Иран в принципе не возражает против транзита советских грузов, но в силу своего нейтралитета категорически против перевозок оружия²⁸. Такая позиция, безусловно, обесценивала значение «персидского коридора» для СССР.

В нотах от 26 июня, 19 июля и 16 августа советское правительство обращало внимание Тегерана на подрывную и шпионско-диверсионную деятельность германских агентов в Иране, требовало пресечь их активность и выслать немцев из страны. Аналогичные требования выдвигала Великобритания. Однако иранская сторона уклонялась от выполнения этих требований. «Стремление не обидеть немцев проходит красной нитью в политике Ирана», — докладывал 10 августа в Москву советский посол в Тегеране А. А. Смирнов²⁹. Реза-шах и его окружение, видимо, исходили из того, что Германия вот-вот разгромит Советский Союз, и тогда им надо будет как-то объясняться с Гитлером.

Такая позиция иранских властей заставила союзников приступить к подготовке военной операции. Словесные заверения иранцев уже не удовлетворяли союзников. В условиях смертельной схватки с державами «оси» вопросы о суверенитете Ирана и его нейтралитете в войне отходили на второй план. Объясняя действия своей страны, У. Черчилль лишь отметил, что Англия и Россия боролись за свою жизнь. «*Inter arma silent leges*» («Когда говорит оружие, законы молчат»), — написал он в своих мемуарах³⁰.

В отличие от англичан у СССР было твердое правовое обоснование для ввода своих войск. По условиям советско-персидского договора от февраля 1921 г. в случае, если третьи страны попытаются превратить территорию Персии в базу для военных выступлений против России, то советское правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, «чтобы, в интересах самообороны, принять необходимые (военные) меры»³¹.

Утром 25 августа 1941 г. от имени правительств СССР и Великобритании в Тегеране были вручены ноты с объяснением причин, побудивших их ввести свои войска на территорию Ирана.

С советской стороны для иранской экспедиции были выделены 44-я армия (командующий генерал-майор А. А. Хадеев, штаб в Ленкорани) и 47-я армия (командующий генерал-майор В. В. Новиков, штаб в Нахичевани) общей численностью 135 тыс. человек. Еще две армии (45-я и 46-я), имевшие 110 тыс. человек, прикрывали границу с Турцией. Все они входили в состав Закавказского фронта, образованного 23 августа на базе Закавказского военного округа (командующий генерал-лейтенант Д. Т. Козлов). В походе участвовала также 53-я отдельная армия из Среднеазиатского военного округа (командующий генерал-майор С. Г. Трофименко, штаб в Ашхабаде). План операции советских войск был разработан начальником штаба Закавказского фронта генерал-майором И. Ф. Толбухиным. Общий замысел состоял в том, чтобы внезапным ударом лишить иранские войска способности сражаться, а в случае сопротивления уничтожить их, не допуская отхода на юг.

25 августа советские войска из Закавказья вступили на территорию Ирана. Главный удар наносила 47-я армия, наступавшая на Тебриз. Ее силы включали две горнострелковые, стрелковую и две танковые дивизии. 44-я армия, состоявшая из двух горнострелковых

и кавалерийской дивизий и танкового полка, двигалась по прикаспийским территориям. 27 августа со стороны Туркмении в наступление перешла 53-я армия (стрелковый и кавалерийский корпуса и горнострелковая дивизия).

Первыми на рассвете границу перешли небольшие маневренные группы, имевшие задачу атаковать пограничные заставы иранцев, перерезать линии связи, блокировать дороги. Для захвата мостов, тоннелей и других объектов были выброшены воздушные десанты. В иранские порты на Каспии вошли корабли советской Каспийской военной флотилии, были высажены морские десанты.

Активно действовала советская авиация (522 самолета), которая сначала наносила бомбовые удары, а потом сосредоточилась на ведении разведки. Так, гарнизон Решта, центра прикаспийской провинции Гилян, был частично уничтожен авиацией, а частично просто разбежался. Всего военно-воздушные силы сделали около 17 тыс. самолето-вылетов, сбросив 7 тыс. бомб на военные объекты.

25 августа со стороны Ирака, от Басры и Багдада, двинулись в наступление англо-индийские войска. Они заняли юго-западные территории и порты в Персидском заливе. Был уничтожен иранский военный флот. 29 августа в районе Сенендеджа союзники вошли в непосредственный контакт друг с другом. По взаимной договоренности зона в радиусе 100 км от Тегерана осталась незанятой.

27 августа правительство Али Мансура подало в отставку. Новое правительство во главе с известным ученым и литератором М. Форуги отдало приказ своей армии не оказывать сопротивление. Его, впрочем, практически и не было, не считая мелких локальных стычек. 29–30 августа иранские войска сложили оружие.

Иранские вооруженные силы (200 тыс. человек, 300 самолетов, 150 танков, 400 орудий) оказались совершенно неспособны к сопротивлению в силу крайне слабой боевой подготовки, технической оснащенности и морального состояния. Иранцы обычно или сразу сдавались в плен, или расходились по домам по команде своих офицеров, или просто разбежались, бросая оружие и снаряжение. Так, гарнизон города Пехлеви численностью 520 солдат и офицеров после короткой перестрелки был пленен советским разведотрядом из 45 человек. Быстрое и решительное совместное наступление советских и британских войска стало полной неожиданностью для иранцев. К тому же союзники продвигались во многих случаях по территориям, населенным национальными меньшинствами (азербайджанцами, курдами, армянами), которые были не слишком лояльны к шахскому режиму.

Пожалуй, главные сложности для союзников создавало не сопротивление иранских войска, а горно-пустынная местность и тяжелый климат. Показательно, что для обеспечения продвижения советских войска были привлечены 11 инженерно-саперных батальонов и 31 отдельная инженерно-саперная и понтонно-мостовая роты.

Конечно, иранский поход выявил немало слабостей Красной армии. Явно не хватало боевого опыта, умения эксплуатировать и применять боевую технику. Были проблемы с разведкой, связью, снабжением. Не всегда удачно взаимодействовали различные рода войска.

Потери союзников были минимальными: с советской стороны — около 50 убитых и свыше 100 раненых, с британской — 22 убитых и 45 раненых. У иранцев потери были на порядок больше³².

Местное население встречало советские войска по-разному. Простые люди нередко проявляли радость и энтузиазм, вплоть до призывов устанавливать советскую власть, делить имущество богатых и вступать в Красную армию. Однако другая часть населения, особенно зажиточные слои, проявляла настороженность, а то и враждебность. Во многих местах торговцы закрывали свои лавки, что приводило к росту цен и ставило под угрозу снабжение населения. Распространялись различные антисоветские слухи и домыслы.

Советская сторона предпринимала усилия по налаживанию отношений с местным населением. Количество сброшенных листовок исчислялось миллионами. Правда, не обошлось без досадных просчетов. В иранском Азербайджане, где население плохо владело персидским языком, распространялись листовки на азербайджанском языке, но написанные латиницей

(которая до 1939 г. использовалась в АзССР), а не буквами арабского алфавита, как это было принято в Иране.

В приказах советского командования взаимоотношения Красной армии с местным населением и органами власти предписывалось строить, исходя из следующих положений:

- все руководители местной власти остаются на местах;
- чины полиции и жандармерии, не оказывающие сопротивления, остаются на своих должностях и продолжают нести обязанности по поддержанию внутреннего порядка;
- вся экономическая и торговая жизнь идет на прежних основаниях;
- никакого общения советских солдат с местным населением кроме спецзаданий командования;
- запрет военнослужащим посещать мечети и мешать проведению религиозных обрядов местным населением³³.

В послании, полученном в Москве 30 августа, У. Черчилль писал И. В. Сталину: «Известие о том, что персы решили прекратить сопротивление, весьма приятно». И далее: «При всей важности защиты нефтяных источников целью нашего вступления в Персию было в еще большей степени стремление установить еще один сквозной путь к Вам, который не может быть перерезан. Имея это в виду, мы должны реконструировать железную дорогу от Персидского залива до Каспийского моря и обеспечить ее бесперебойную работу...»

В ответном письме И. В. Сталин был краток: «Дело с Ираном действительно вышло неплохо». И добавил: «Но Иран только эпизод. Судьба войны будет решаться, конечно, не в Иране»³⁴.

8 сентября СССР, Великобритания и Иран заключили соглашение, предусматривавшее размещение советских и британских войск в Иране. Поскольку иранские власти тянули с выполнением требований союзников, последние вынуждены были двинуть свои войска к Тегерану. Реза-шах 16 сентября отрекся от престола и покинул страну, передав власть своему сыну Мохаммеду Реза Пехлеви.

17 сентября советские и британские войска вошли в Тегеран. Официальные представители Германии, Италии, Румынии и Венгрии были высланы из страны.

Когда главные задачи иранского похода были решены, советское командование смогло перебросить свои войска на советско-германский фронт, тем более что осенью 1941 г. обстановка там продолжала ухудшаться. 44-я армия уже в октябре убыла на Северный Кавказ, за ней последовали 47-я армия и несколько дивизий 53-й армии.

29 января 1942 г. был подписан договор о союзе между СССР, Великобританией и Ираном. Союзники обязались уважать территориальную целостность, суверенитет и политическую независимость Ирана и защищать его от всякой агрессии со стороны Германии, а также оказывать ему экономическую помощь. СССР и Великобритания получили право содержать на иранской территории военные силы в необходимом количестве, а также неограниченное право использовать любые средства коммуникаций по всему Ирану. Подчеркивалось, что ввод советских и британских войск «не представляет собой военной оккупации» и будет возможно меньше затруднять нормальную работу администрации и обычную жизнь страны. В свою очередь, Иран брал на себя обязательство сотрудничать с союзными государствами, чтобы они могли выполнить вышеуказанные обязательства. Не позднее шести месяцев по окончании военных действий союзных государств с Германией их войска должны были покинуть территорию Ирана³⁵.

Решение иранской проблемы стало для участников формирующейся Антигитлеровской коалиции первым опытом достижения договоренности по важному международному вопросу, за которой последовала совместная военно-политическая акция.

Были достигнуты важнейшие цели союзников. Исчезла угроза превращения Ирана во враждебное союзникам государство — плацдарм для германской агрессии на Среднем Востоке. Германская агентура в основном была ликвидирована или загнана в глубокое подполье. Это позволило впоследствии провести в Тегеране первую встречу «большой тройки».

А. Иден и И. М. Майский

«Персидский коридор» стал одним из важнейших маршрутов военных поставок по ленд-лизу из США и Великобритании в Советский Союз. За годы войны этим путем было перевезено 23,8 % грузов. Особенно велика была его доля в 1942 г. (28,8 %) и в 1943 г. (33,5 %). Масштабнее были только поставки через Тихий океан (47,1 %).

Союзники укрепили свои стратегические позиции. Англичане получили возможность действовать на всем пространстве от Ближнего Востока до Индии. Советский Союз был спокоен за свои южные рубежи. Обеспечена безопасность крупнейших нефтяных месторождений на Кавказе и в Иране.

Несмотря на неоднозначную первоначальную реакцию, для самого Ирана акция союзников дала позитивные результаты. Не став ареной боевых действий, он вошел в Антигитлеровскую коалицию (9 сентября 1943 г. объявил войну Германии), обеспечив в итоге свою безопасность, территориальную целостность и суверенитет. К тому же союзники оказали Ирану значительную материальную поддержку и коренным образом реконструировали его транспортную инфраструктуру для того, чтобы он мог обеспечивать поставки по ленд-лизу³⁶.

Пример Ирана оказал сдерживающее воздействие на Турцию и Афганистан. В октябре 1941 г. из Кабула были высланы представители Германии и ее союзников.

Наконец, в тяжелейших условиях лета — осени 1941 г., когда Красная армия с огромными потерями отходила в глубь страны, успех иранского похода был воспринят в стране и армии как фактор позитивного значения.

В октябре СССР и Великобритания совместно потребовали от правительства Афганистана прекратить прогерманскую деятельность различных группировок на своей территории. В ответ созданный 5 ноября королем Захир Шахом высший законодательный орган страны Большая джирга одобрил политику строгого нейтралитета. Аналогичный демарш, предпринятый ранее Великобританией и СССР по отношению к Турции, также дал возможность нейтрализовать или, по меньшей мере, ослабить германское влияние в этой стране дипломатическими средствами.

Всё это были важные и эффективные решения, соответствующие стратегическим интересам двух стран³⁷.

Реакция в США на нападение Германии на СССР была неоднозначной, более противоречивой, чем в Великобритании. Она продемонстрировала сложный спектр расстановки политических сил в стране, их различное отношение к поддержке политической России в борьбе против нацистской агрессии. Г. Трумен, в то время сенатор от штата Миссури, за день до выступления Ф. Рузвельта призвал правительство следовать иному политическому курсу: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывает будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя я не хочу победы Гитлера ни при каких обстоятельствах»³⁸.

Подавляющее большинство политических и военных руководителей США сходились на том, что советские Вооруженные силы не сумеют оказать длительного сопротивления гитлеровским полчищам. Так, при определении американской политики в отношении СССР военный министр США Г. Стимсон в своем меморандуме от 23 июня 1941 г. советовал президенту Рузвельту исходить из следующих предпосылок:

1. Действия Германии сильно напоминают ниспосланные свыше события.
2. Минимум за месяц, а максимум за три немцы полностью уничтожат Советский Союз.
3. Это время следует активно использовать для форсирования действий в Атлантике»³⁹.

Однако большинство государственных деятелей США отклонили позицию этой части истеблишмента. Их аргументы были реалистичны и убедительны — поражение СССР означает прямую угрозу не только мировым позициям США, но и самой независимости страны.

Высокую оценку силам СССР давали бывший посол США в СССР Дж. Дэвис и «красный генерал», американский атташе в Москве Ф. Фэймонвил, но главное — Г. Гопкинс и Ф. Рузвельт.

В конце июня 1941 г. советское правительство через своего посла в Вашингтоне представило правительству США список поставок, в которых нуждался Советский Союз. Одноре-

менно был сделан запрос о предоставлении Советскому Союзу кредита сроком на пять лет. Со своей стороны правительство США предложило осуществлять советские поставки сырья в обмен на американские поставки.

Первоначально американские поставки в СССР были невелики и проводились за наличный расчет в соответствии с предложенным американско-советским торговым соглашением 1937 г.

После поездки личного представителя президента США и главы администрации по ленд-лизу Г. Гопкинса в Москву в конце июля 1941 г., трехсторонней конференции в Москве (28 сентября — 1 октября 1941 г.) США предоставили Советскому Союзу из средств, ассигнованных по ленд-лизу, беспроцентный заем на сумму 1 млрд долларов, что явилось исключительно важным решением в политике поддержки СССР и становлении Антигитлеровской коалиции. И хотя ко времени битвы под Москвой, во многом определившей дальнейший ход войны, поставки союзников еще не могли оказать заметного влияния на ход вооруженной борьбы, их политическое и моральное значение было очевидным.

Вступление США во Вторую мировую войну, объявление Германией и Италией войны Соединенным Штатам превратили сотрудничество СССР и США в фактор первостепенного военно-политического значения.

В феврале 1942 г. Рузвельт принял решение о предоставлении СССР второго кредита в размере 1 млрд долларов на прежних условиях (начало выплаты беспроцентного займа предусматривалось через пять лет после окончания войны в течение 10 лет). Была создана советская правительственная закупочная комиссия в США, достигнута договоренность по предложению США об установлении прямой радиотелефонной связи между Москвой и Вашингтоном. Сотрудничество развивалось по многим направлениям, но договора или соглашения, подобно советско-английскому, заключенному год назад, не было. Между тем возникли разногласия. Они были вызваны дипломатичным отказом СССР денонсировать пакт о нейтралитете с Японией и предоставить американским ВВС базы на советском Дальнем Востоке. Такое развитие событий могло, по мнению советского руководства, усугубить и без того существовавшую угрозу японской агрессии против СССР в то время, когда главные силы Красной армии вели тяжелейшую борьбу против вермахта на Западном фронте, исход которой был далеко не ясен. Осложнения в отношениях вызывало и нарушение согласованных сроков поставок в СССР по ленд-лизу. В 1941–1942 гг. помощь западных союзников при всей ее значимости отставала от согласованных норм. Заметное увеличение поставок по ленд-лизу началось только с лета 1943 г.⁴⁰ Но эти и другие разногласия во многом преодолевались взаимными поисками решений, направленных на объединение усилий в борьбе против общего врага.

Советская дипломатия вела успешную борьбу за привлечение к антигитлеровской коалиции всех сил, заинтересованных в борьбе против фашистской тирании. В начале июля 1941 г. советское правительство заявило о своей готовности нормализовать отношения с Польшей, Чехословакией, Югославией и оказывать народам этих стран всестороннюю помощь в борьбе против фашизма. Надо сказать, что на пути нормализации отношений возникали большие трудности. 23 июня 1941 г., выступая с заявлением в связи с нападением Германии на СССР, глава польского эмигрантского правительства в Лондоне генерал В. Сикорский подчеркнул нежелание правительства Польши считаться с решением вопроса о Западной Украине и Западной Белоруссии и потребовал восстановления довоенных границ Польши. Такая позиция Сикорского, разумеется, не способствовала переговорам, которые начались 5 июля 1941 г. в Лондоне и велись при посредничестве британского правительства.

После длительных переговоров 30 июля 1941 г. было подписано соглашение, которое содержало обязательства взаимной помощи, а также согласие советского правительства на создание на территории СССР польской армии для ведения боевых действий совместно с Красной армией. Предусматривалось, что командующий польской армией, создаваемой в СССР, будет назначен польским правительством, в то время как на фронте эта армия будет действовать в оперативном подчинении советского командования. К соглашению был приложен протокол, в котором говорилось о том, что советское правительство предоставляет

амнистию всем польским гражданам, которые содержались «в заключении на советской территории в качестве ли военнопленных или на других достаточных основаниях»⁴¹.

Таким образом, несмотря на очевидные расхождения между советским правительством и польской эмиграцией в Лондоне по вопросу о границах Польши, компромисс, как показали последующие события, весьма кратковременный, тем не менее был найден.

Некоторые деятели польской эмиграции демонстративно выступили против советско-польского соглашения. К ним относились командующий польскими военными формированиями в Англии генерал К. Соснковский, министр иностранных дел А. Залесский и их единомышленники, которые в знак протеста против советско-польского соглашения вышли из состава правительства. Сикорский же и поддерживавшие его министры стремились советско-польским соглашением укрепить международный авторитет эмигрантского правительства. Вопрос о границах, по мнению советского и английского правительств, с которым вынужденно согласились лондонские поляки, следует разрешить после войны.

И советское, и английское правительство были заинтересованы в укреплении и расширении антигитлеровской коалиции. Излагая позицию англичан во время советско-польских переговоров, Черчилль писал в своих мемуарах: «...в разгар битвы, в этот важный момент войны, всё должно быть посвящено задаче увеличения общих военных усилий»⁴².

Несколько иным путем шло развитие отношений с Чехословакией. Вскоре после начала Великой Отечественной войны советское правительство довело до сведения Э. Бенеша, в то время президента Чехословакии, следующее:

а) Политической программой советского правительства является самостоятельная Чехословакия с чехословацким национальным правительством;

б) само собой разумеется, что советское правительство не хочет вмешиваться во внутренние дела Чехословакии и что вопрос о внутреннем режиме и структуре чехословацкий народ решит сам;

в) если чехословацкое правительство желает направить в Москву своего посланника, советское правительство с радостью его примет;

г) советское правительство готово оказать помощь в организации чехословацкой воинской части в России. В таком случае оно считает, что, по-видимому, можно было бы организовать специальный национальный чехословацкий комитет, который помогал бы в организации в армии. Единственным условием является то, что в оперативных и военно-технических вопросах эта часть находилась бы под русским верховным командованием. В остальном командование и офицеры были бы чехословацкие»⁴³.

16 июля 1941 г. посол СССР в Лондоне Майский передал Бенешу советский проект соглашения, и 18 июля соглашение между СССР и Чехословакией о взаимной помощи в войне против гитлеровской Германии было подписано. Соглашение предусматривало восстановление дипломатических отношений и взаимную помощь в войне против фашистской Германии, а также согласие советского правительства на формирование национальных чехословацких частей на территории СССР.

Советско-чехословацкое соглашение имело большое значение для укрепления международных позиций чехословацкого государства. Об этом говорил и Бенеш. «Мы вернулись в своих взаимоотношениях между обоими нашими государствами, — писал он в своих воспоминаниях, — к домюнхенскому положению. Советский Союз, который с самого начала так решительно выступал против Мюнхена и с такой же решительностью выступал и против событий 15 марта 1939 г., в эту решительную минуту нанес смертельный удар Мюнхену и всем его последствиям, так как вполне и решительно, без всяких ограничений и условий, снова признал республику в ее домюнхенском статусе»⁴⁴. Таким образом, между двумя государствами были установлены союзнические отношения.

Как только в Лондоне стало известно о советской инициативе, английское правительство срочно решило также установить с чехословацким правительством дипломатические отношения. Признание Великобританией чехословацкого правительства произошло 18 июля, спустя несколько часов после подписания советско-чехословацкого соглашения⁴⁵. Сам факт

Британский генерал Дж. Дилл и И. М. Майский на приеме в турецком посольстве.
29 октября 1941 г.

признания правительства Чехословакии укреплял международные позиции Чехословакии, способствовал расширению фронта антигитлеровских государств и в этом смысле имел несомненно положительное значение.

Правительства Советского Союза и Англии консультировались друг с другом и по вопросу об отношении к патриотическому движению «Свободная Франция»⁴⁶. 24 июня 1941 г. руководитель движения «Свободная Франция» генерал де Голль поручил своим представителям в Лондоне посетить Майского и заявить ему от своего имени, что «французский народ поддерживает русский народ в борьбе против Германии и что в связи с этим мы желали бы установить военное сотрудничество с Москвой»⁴⁷.

Английская сторона сообщила 7 июля свою точку зрения, высказав при этом мнение, что поскольку правительство Великобритании еще не признало организацию де Голля как правительство, то британское правительство «оказалось бы в стеснительном положении, если бы советское правительство пошло в отношении де Голля на большую степень признания, чем та, на которую пошло правительство Его Величества»⁴⁸.

В начале августа 1941 г. между советским посольством в Лондоне и Французским национальным комитетом начались переговоры, в ходе которых Майский сообщил французским представителям «об отсутствии со стороны советского правительства возражений против установления с де Голлем официальных отношений в такой же форме, как это имеет место у де Голля с британским правительством».

Англичане выразили удовлетворение и благодарность советскому правительству за занятую им позицию.

26 сентября того же года произошел обмен нотами между советским правительством и Национальным комитетом «Свободной Франции», что явилось официальным признанием комитета со стороны СССР⁴⁹.

Политическое сотрудничество СССР и Англии по различным вопросам европейской политики в первые месяцы Великой Отечественной войны свидетельствовало о том, что, несмотря на отдельные, порой серьезные расхождения между советским и английским правительствами по ряду вопросов (например, по польскому), это сотрудничество привело к расширению фронта антигитлеровских государств и способствовало консолидации антифашистских сил в Европе.

Встал вопрос и о юридическом оформлении военного союза государств, борющихся против фашистских агрессоров. Таким документом явилась подписанная 1 января 1942 г. в Вашингтоне Декларация 26 государств, получившая впоследствии наименование Декларации объединенных наций. Декларацию подписали представители СССР, США, Китая, Великобритании, Австралии, Бельгии, Индии, Канады, Коста-Рики, Кубы, Люксембурга, Чехословакии, Доминиканской Республики, Сальвадора, Греции, Гватемалы, Гаити, Гондураса, Голландии, Новой Зеландии, Никарагуа, Норвегии, Панамы, Польши, Южно-Африканского Союза, Югославии. В декларации заявлялось, что окончательная победа над противником «необходима для защиты жизни, свободы, независимости и религиозной свободы и для сохранения человеческих прав и справедливости» и что страны «теперь заняты общей борьбой против диких и зверских сил, стремящихся покорить мир». Подписавшие декларацию государства обязались употребить все свои экономические и военные ресурсы против тех членов тройственного пакта (Германии, Италии и Японии) и присоединившихся к нему государств, с которыми они находились в состоянии войны, сотрудничать друг с другом и не заключать сепаратного мира или перемирия с общими врагами. Таким образом, Декларация объединенных наций юридически оформила военно-политический союз антифашистских государств, сплотила в рамках многостороннего соглашения все государства, находившиеся в состоянии войны с германо-японо-итальянской коалицией. Закрепляя союз 26 государств, участники декларации вместе с тем открывали возможности для присоединения к антифашистской коалиции и других государств⁵⁰.

Между тем в союзнических отношениях назревали новые противоречия. Главным из них был вопрос об открытии западными союзниками второго фронта в Европе. Возникли серьезные трудности в подготовке полноценного союзного договора между СССР и Англией. Но если с Англией имелось соглашение, подписанное 12 июля 1941 г., то какой-либо официальный документ о союзе между США и СССР отсутствовал. Однако главным был вопрос об открытии второго фронта в Европе, который будет подробно рассмотрен в следующем томе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Британские силы (около 400 тыс. человек), действовавшие на европейском континенте совместно с французской и бельгийской армиями, были с большими потерями эвакуированы в основном из района Дюнкерка (на сев. побережье Франции) в мае 1940 г. Численность польских войск составляла 20 тыс. человек (*Dearl., Foot M.* (ed.) *The Oxford Companion to World War II.* Oxford, New York, 1995. P. 164–166). Кратковременное сопротивление вермахту оказали войска Норвегии, Бельгии и Голландии. Соотношение сил на Западном фронте по состоянию на 10 мая 1940 г. было примерно равным: 141 дивизия вермахта противостояла 144 дивизиям западных союзников (*Reynolds D.* *From World War to Cold War.* Oxford, 2007. P. 25). США в рамках объявленного нейтралитета поддерживали потерпевшую поражение коалицию. Первые секретные консультации военно-морских штабов США и Великобритании состоялись по инициативе президента Ф. Рузвельта в 1937 г. (*Stoler M.* *FDR and Origins of the National Security Establishment // FDR'S World War, Peace and Legacies* New York, 2008. P. 66).

² *Сиполс В.* Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны 1939–1941. М., 1997. С. 62–73.

³ Вестник Совета безопасности Российской Федерации. 2010. № 2. С. 32–55.

⁴ *Израэлян В.* Антигитлеровская коалиция. М., 1964. С. 17.

⁵ *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 3. Великий союз / Пер. с англ. М., 1955. С. 366.

⁶ АВП. Ф. 059. Оп. 7. П. 13. Д. 5. Л. 27–31. Такие шифрограммы в 1941 г. рассылались персонально следующим адресатам: Сталину (2 экз.), Молотову, Ворошилову, Кагановичу, Микояну, Берии, Жданову, Вышинскому, Деканозову, Лозовскому и Корнейчуку.

⁷ *Langer W. and Gleason S.* *The Undeclared War. 1940–1941.* New York, 1953. P. 541.

⁸ Мировые войны XX века. Кн. 3. М., 2005. С. 231.

⁹ Внешняя политика СССР. Сборник документов (июнь 1941 — сентябрь 1945). Т. 5. М., 1947. С. 6 (далее: Внешняя политика СССР).

¹⁰ *Сталин И.* О Великой Отечественной войне. М., 1947. С. 16.

¹¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 3.

¹² См.: Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т. 1. М., 1946. С. 163–167. Имелось в виду включенное по предложению Черчилля положение о «восстановлении суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого *насильственным путем* (курсив ред.), что исключало из их числа лишены суверенных прав народы колоний, но ставило под сомнение признание советских границ по состоянию на 22 июня 1941 г. с вошедшими в состав СССР в 1939–1940 гг. в условиях нахождения на этой территории частей Красной армии, а также по мирному договору с Финляндией (Война и общество в XX веке. Кн. 3. М., 2008. С. 9–11).

¹³ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. Документы и материалы в двух томах. Т. 1. 1941–1943. М., 1983. С. 82 (далее: Советско-английские отношения).

¹⁴ Внешняя политика СССР. С. 20.

¹⁵ Там же. С. 63–64.

¹⁶ *Erickson J., Dilks D.* *Barbarossa. The Axis and the Allies.* Edinburgh 1994. P. 97 (далее цит: Barbarossa...).

¹⁷ *Израэлян В.* Указ. соч. С. 24.

¹⁸ *Bullock A.* *The Life and Times of Ernest Bevin.* Vol. 2; Minister of Labor 1940–1945. P. 137.

- ¹⁹ Barbarossa... Р. 103.
- ²⁰ *Израэлян В.* Указ. соч. С. 24, 25.
- ²¹ См., например: *Оришев А. Б.* Иранский узел. Схватка разведок. 1936–1945 гг. М., 2009; *Он же.* В августе 1941-го. М., 2011.
- ²² *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 2. М., 1973. С. 236, 239.
- ²³ *Черчилль У.* Вторая мировая война. В 3 кн. Кн. 2. М., 2010. С. 246–247.
- ²⁴ *Оришев А. Б.* В августе 1941-го. С. 76.
- ²⁵ *Черчилль У.* Указ. соч. С. 244.
- ²⁶ Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942. Т. XXIV. М., 2000. С. 14.
- ²⁷ Там же. С. 61, 122–123, 132 и др.
- ²⁸ Там же С. 86–87, 116, 227.
- ²⁹ Там же. С. 128, 227.
- ³⁰ *Черчилль У.* Указ. соч. С. 246.
- ³¹ Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959. С. 538–539.
- ³² О военном аспекте рассматриваемых событий см.: *Голуб Ю. Г.* 1941: Иранский поход Красной армии. Взгляд сквозь годы / Отечественная история. 2004. № 4; *Он же.* Малоизвестная страница великой войны: советская оккупация Северного Ирана в августе — сентябре 1941 г. <http://www.sgu.ru/files/nodes/10082/27.pdf>; *Любин Д. М.* Ввод Красной армии в Иран летом — осенью 1941 года: Причины, осуществление, последствия. Саратов, 2005; *Оришев А. Б.* В августе 1941-го; *Ходеев Ф. П.* Советско-английское принуждение Ирана к лояльности в 1941 году // Военно-исторический журнал. 2011. № 9.
- ³³ «Введение частей Красной армии в пределы Ирана не означает установления советской власти». Документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации о первых днях советских войск на территории Ирана. Август — сентябрь 1941 г. // Отечественные архивы. 2010. № 3.
- ³⁴ Советско-английские отношения... С. 110, 112.
- ³⁵ Там же. С. 202–205.
- ³⁶ В декабре 2009 г. президент Исламской Республики Иран М. Ахмадинежад дал своей администрации распоряжение оценить ущерб, который был нанесен Ирану пребыванием на его территории воинских контингентов стран антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании — во время Второй мировой войны. Планировалось потребовать от международных институтов компенсации этого урона «для восстановления прав иранского народа». Газета. 22 декабря 2009 г.
- ³⁷ Советско-английские отношения... С. 107.
- ³⁸ New York Times 1941, June 24. P. 7.
- ³⁹ *Фейс Г.* Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились / Пер. с англ. М., 2003. С. 14.
- ⁴⁰ Подробнее см.: Ленд-лиз и Россия. Архангельск, 2006.
- ⁴¹ Подробнее см.: *Парсаданова В.* Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны. М., 1982.
- ⁴² *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 3. С. 383.
- ⁴³ Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1960. С. 11.
- ⁴⁴ *Израэлян В.* Указ. соч. С. 30, 31.
- ⁴⁵ Английский разведчик и дипломат Б. Локкарт, приставленный к чехословацкому правительству, по этому поводу отметил: «Русские выиграли. Они подписали в полдень 18 июля. Меня попросили привезти Яна Масарика к Идену в 4 часа дня. Ян заехал за мной в 3 ч. 45 м., и под проливным дождем мы отправились в министерство иностранных дел. Здесь мы были сразу приняты. Иден был один. Мы придвинули свои кресла поближе к его столу. Он улыбался и был в наилучшем расположении духа. «Сегодня для вас, Ян, день договоров, — сказал Иден. — Мне известно, что утром вы уже подписали один. Вот здесь другой» (*Израэлян В.* Указ. соч. С. 31, 32).

⁴⁶ 17 июня 1940 г. заместитель министра обороны потерпевшей поражение Франции обратился по лондонскому радио к французам с призывом к сопротивлению немецким захватчикам и возглавил движение «Свободная Франция».

⁴⁷ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. 1941–1943. С. 44.

⁴⁸ Там же. С. 380.

⁴⁹ Там же. С. 50–52.

⁵⁰ Подробнее см.: Организация Объединенных Наций. Сборник документов. М., 1981. С. 5–16.

Человек в условиях перехода от мира к войне

XX век был отмечен самыми кровопролитными войнами в истории человечества. Их особенностью явилось возрастание роли технических факторов, ставших в конце концов доминирующими. Однако значение психологического фактора отнюдь не уменьшилось. Роль человека в войне, особенно непосредственно в боевых условиях, осталась во многом определяющей. Известный английский военный теоретик Лиддел Гарт в своем труде «Стратегия не прямых действий», вышедшем в 1945 г., писал: «Основное, что не поддается учету в войне, — это человеческая воля, которая проявляется в сопротивлении»¹. Не учел ее и А. Гитлер, еще 5 декабря 1940 г. самоуверенно заявивший: «Следует ожидать, что русская армия при первом же ударе немецких войск потерпит еще большее поражение, чем армия Франции в 1940 г.»²

Именно человеческая воля, а иными словами, духовный фактор сыграл решающую роль в войне Советского Союза против фашистской Германии, в том числе в начальный — самый тяжелый ее период. Для СССР это была война на выживание, причем не только государства, но и населяющих ее народов. Участие в ней приобрело такое значение, что в историю она вошла под именем Великой Отечественной. Уже одно это свидетельствует о колоссальной роли в войне народа и массовых духовно-психологических явлений.

Массовое сознание — явление чрезвычайно сложное и противоречивое, в нем переплетаются элементы социальной психологии, нравственные и мировоззренческие установки. При этом оно представляет собой синтез явлений, уходящих корнями в национальные традиции, в обыденную жизнь людей, с идеологическими установками, целенаправленно формируемыми структурами власти.

Войны, являясь экстремальным, конфликтным состоянием страны в ее взаимоотношении с внешним миром, занимают в массовом сознании народов особое место. Крупномасштабная война — это всегда напряжение всех сил общества, испытание, чреватое большими людскими и материальными потерями. Особенно это характерно для войн с равным или, тем более, превосходящим по силам противником, что вносит дополнительный фактор психологического напряжения — непредсказуемость в развитии событий, возможность поражения.

В русском национальном сознании отношение к войне как явлению во многом перешло на уровень психологических архетипов. С одной стороны, оно было травмировано многочисленными войнами, в том числе и неудачными, в которых Россия понесла колоссальные жертвы. К концу 1930-х гг. в исторической памяти народа (в первую очередь еще живущих поколений) были остры воспоминания о драматизме кровавых войн начала XX века — Русско-японской, Первой мировой, Гражданской. С другой стороны, русское национальное сознание выработало мобилизационные механизмы, активизировавшиеся в периоды тяжелых испытаний для страны, в ситуациях смертельной опасности, особенно в условиях иноземных нашествий.

Вместе с тем именно XX век породил возможности и одновременно инструменты эффективного воздействия на массовое сознание, вплоть до манипуляции им, что проявилось во многих странах и в широких социальных и революционных движениях, и в становлении диктаторских и тоталитарных режимов, опиравшихся на массовые партии и различные идеологии. Это явление нашло отражение и в подготовке Второй мировой войны, включая милитаризацию сознания народов средствами пропаганды и широкой индоктринацией населения.

Особое значение идеологическая составляющая в формировании массового сознания приобрела в условиях советской государственной системы 1930-х гг., по революционной инерции сохранявшей доминанту классового подхода, в том числе и накануне Великой Отечественной войны. В значительной мере это относится к сознанию советских людей и в период самой войны, когда тем не менее произошло существенное смещение идеологических акцентов.

Следует также отметить специфику механизма восприятия значимых общественных явлений, в том числе войн, в массовом сознании. В нем присутствуют как интеллектуальные, так и эмоциональные компоненты с явным преобладанием последних. Даже профессионалы (политики и военные), «по долгу службы» обязанные рационально и адекватно оценивать будущую войну, как правило, ошибаются в своих прогнозах, экстраполируя опыт прошлых войн на еще не состоявшиеся, несмотря на принципиальные изменения множества условий. Есть и еще одна особенность человеческой психологии, подводящая «прогнозистов», — избыточность оптимизма, вера в то, что будущая война будет благоприятной именно для своей страны. Этот оптимизм транслируется политическим и военным руководством в общество, стимулируя милитаризацию сознания. Последнее явление имеет двойственные последствия: с одной стороны, без веры в успех победа невозможна; с другой, излишняя самоуверенность может обернуться беспечностью и неподготовленностью к войне. Реальный ход событий корректирует массовое сознание, делая восприятие войны более рациональным, конкретным и адекватным.

В этом общем контексте следует рассматривать и отражение Великой Отечественной войны в массовом сознании в СССР накануне и сразу после ее начала.

Еще свежи были в памяти народа Первая мировая и Гражданская войны. Но и последовавший за ними мирный период (названный впоследствии межвоенным) оказался насыщенным большими и малыми вооруженными конфликтами. Терминология тех лет («вся страна — военный лагерь», «вражеское окружение» и т. п.), отражавшая господствовавшую оценку международной обстановки и место в ней Советской страны, отражала вместе с тем и психологию общества, которое все еще находилось в плену недавно пережитых войн и продолжало оставаться в состоянии «взведенного курка». Экономика, политика, даже культура были пропитаны «духом войны». Широко распространенные военно-спортивные мероприятия, популярные песни революционного и военного содержания — внешние, наиболее заметные его атрибуты. Внутренняя готовность к войне, ожидание новой войны как скорой и неизбежной воспитывались и в подрастающем поколении, родившемся в межвоенный период. А участие армии в ряде локальных конфликтов еще сильнее подпитывало этот общий настрой.

На восприятие будущей войны, на ожидание ее, на отношение к ней безусловно влиял комплекс факторов: и «архитипические» механизмы массовой психологии россиян, воспринимающих войну как «бедствие народное», но мобилизующих все свои силы в условиях национальной угрозы; и очень сложное и противоречивое по своим последствиям влияние идеологических механизмов, пропагандистской машины, с одной стороны, готовящей страну к будущей войне, а с другой — дезориентирующей население относительно сроков ее начала, характера, масштабов и тяжести, и даже относительно конкретного противника, с которым придется вступить в смертельную схватку и вести многолетнюю борьбу на выживание.

В первой половине 1941 г. в воздухе пахло грозой. Это чувствовали все — и народ, и власть. На границах было неспокойно. Хасан, Халхин-Гол, начало Второй мировой войны

и связанное с ней присоединение к СССР западных областей Украины и Белоруссии, затем Бессарабии и прибалтийских государств, «зимняя война» с Финляндией — все эти события 1938—1940 гг. были лишь прелюдией к большой войне, близкой и неизбежной, у порога которой стоял Советский Союз.

Страна готовилась к войне, в том числе и психологически. Советская пропаганда уже многие годы осуществляла милитаризацию массового сознания, формировала установку на готовность к будущей войне как неизбежной в условиях «враждебного капиталистического окружения». Однако в общественном создании характер этой большой войны представлялся в конце 1930-х гг. совершенно неадекватно.

Так, советская стратегическая доктрина исходила из односторонней, поверхностной формулы: «Если враг навязет нам войну, Рабоче-Крестьянская Красная армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападающих армий. Войну мы будем вести наступательно, перенеся ее на территорию противника. Боевые действия Красной армии будут вестись на уничтожение, с целью полного разгрома противника и достижения решительной победы малой кровью»³. Такая доктрина фактически исключала саму возможность масштабного и длительного вторжения вражеских войск на советскую территорию, предусматривая в случае агрессии мгновенный и массированный ответный удар. Отсюда и оборонительные мероприятия в приграничных районах проводились недостаточно энергично, особенно в глубине от границы.

Исходя из этой доктрины («малой кровью», «на чужой территории»), действовала и вся пропагандистская система страны.

Весьма значительным пропагандистским воздействием на сознание людей, особенно молодежи, обладало искусство того времени. Бравурные песни и бодрые киноленты о непобедимости Красной армии притупляли готовность к длительной и тяжелой борьбе, вызывали самоуспокоенность и восприятие возможной войны как парадного шествия. Конечно, неудачи в Советско-финляндской войне несколько поколебали этот радужный образ, однако и она в конце концов закончилась результатом, которого добивался СССР. Весьма сильным фактором, работавшим на этот оптимистичный стереотип, было продвижение советских границ на запад — по всей линии от Балтийского до Черного морей (присоединение прибалтийских республик, западных Украины и Белоруссии, Бессарабии и Северной Буковины).

Прозревшие наступило потом. Об этом, оглядываясь назад, в июле 1942 г. написал в своем фронтовом дневнике впоследствии известный историк М. Т. Белявский: «Вот посмотрел сейчас фильм «Моряки», и еще больше окрепло убеждение в том, что наше кино с его «Моряками», «Истребителями», «Четвертым перископом», «Если завтра война», фильмами о маневрах и литература с романами «На Востоке» и «Первым ударом»... во многом виновато перед страной, так как вместо мобилизации демобилизовывало своим «шапкозакидательством»... Большой долг и большая ошибка»⁴.

Другой ошибкой была дезориентация относительно будущего конкретного врага. В значительной степени это объясняется «большой игрой», которую вели лидеры всех крупных держав, включая «западные демократии», накануне Второй мировой войны. Дипломатическое сближение СССР с Германией, направленное в первую очередь на то, чтобы оттянуть начало войны на как можно более длительный срок, неизбежно влияло на публичную политику и пропаганду, в том числе и внутри страны. Если до середины 1939 г. средства пропаганды, несмотря на все недостатки, вели последовательную воспитательную работу в духе ненависти к фашизму и его идеологии, то уже в конце сентября ситуация резко изменилась. После заключения 23 августа 1939 г. пакта о ненападении и 28 сентября того же года договора о дружбе и границе с Германией последовал отказ от публичной антифашистской пропаганды в средствах массовой информации, а произведения искусства, в которых имелись антифашистские мотивы, были «отсеяны», и исполнять их более не разрешалось⁵. Такой внезапный поворот в политике руководства страны оказал дезориентирующее воздействие на сознание советских людей, хотя и не ослабил полностью антифашистских чувств, воспитанных в предшествующие годы.

«Уже с зимы 40-го года пошли разговоры, что Гитлер на нас непременно нападет, — вспоминал москвич Ю. Лабас. — Но в «Окнах ТАСС» — плакаты с совсем иным противником. На одном из них изображен воздушный бой: наши самолетики красные, а вражеские — из них половина уже сбита и горит — черные, с белыми кругами на крыльях (белый круг — английский опознавательный знак)»⁶.

Между тем в июне 1940 г. генеральный штаб германских сухопутных войск приступил к непосредственной подготовке вооруженных сил и театра военных действий для нападения на СССР. Началась скрытая переброска войск с запада на восток. Волей-неволей вводило в заблуждение и дезинформировало миллионы советских людей, привыкших верить тому, что «пишут в газетах», и опубликованное 14 июня 1941 г. сообщение ТАСС с опровержением «слухов» о близости войны между СССР и Германией.

Несмотря на успокаивающие заявления высших официальных инстанций, атмосфера последних мирных дней была буквально пронизана предчувствием войны, которое у всех проявлялось по-разному. Разговоры о близости войны шли в самых разных социальных кругах уже за несколько месяцев до нее. Это было связано и с реалиями военных действий в Европе, с пониманием многими агрессивной сущности германского фашизма, со всей напряженной международной обстановкой, а также с обрывками сведений из высших эшелонов власти, просачивавшихся в форме слухов в народ. «У нас в ИФЛИ на философском факультете работал Георгий Федорович Александров — будущий академик философии, — вспоминал участник войны Ю. П. Шаратов. — И где-то в середине мая он откровенно рассказывал нам, естественно неофициально, о выступлении Сталина 5 мая 1941 г. перед выпускниками военных академий, на котором Сталин прямо сказал, обращаясь к залу, что вот вам, выпускникам академий Вооруженных сил СССР, предстоит сломать гитлеровскую военную машину.. Выступление Сталина было довольно большим, до часа. В печати была только строчка — и все... Мы и так понимали, что война на носу, а из этого сделали вывод, что она начнется совсем скоро, как говорится, вот-вот... Поэтому, когда 22 июня в воскресенье выступил Молотов и объявил о войне, неожиданным, в полном смысле слова, это не было»⁷.

Но, пожалуй, самым необычным, пророческим образом «предчувствие войны» воплотилось в дневниках московского школьника Левы Федотова. 5 июня 1941 г. он записал: «Хотя сейчас Германия находится с нами в дружественных отношениях, но я твердо убежден (и это известно также всем), что это только видимость. Я думаю, что этим самым она думает усыпить нашу бдительность, чтобы в подходящий момент всадить нам отравленный нож в спину... Рассуждая о том, что, расстав свои войска вблизи нашей границы, Германия не станет долго ждать, я приобрел уверенность в том, что лето этого года будет у нас в стране беспокойным... Я думаю, что война начнется или во второй половине этого месяца (т. е. июня. — *Прим. ред.*), или в начале июля, но не позже, ибо ясно, что германцы будут стремиться окончить войну до морозов»⁸.

Особенно напряженной была атмосфера в армейских частях, дислоцировавшихся в западных приграничных областях. Близость войны здесь буквально ощущалась: из многочисленных разнородных фактов складывалась картина, оставлявшая мало сомнений в скором начале боевых действий. «Война застала меня в Ровно, — вспоминал академик В. А. Виноградов. — Она не была неожиданной ни для меня, ни для всех расположенных там подразделений. Примерно дней за десять до начала войны во всех полках нашей дивизии по утрам начались тревоги... Некоторые части 5-й армии были расположены около самой границы. Оттуда поступали сведения о ситуации на другом берегу реки Западный Буг. Это было в районе Владимир-Вольнского. Поступали тревожные сведения, что на другом берегу ведутся приготовления, сосредотачиваются войска, все время наблюдаются передвижения, видны оптические приборы, с помощью которых следят за нашей территорией. Были нарушения границы немецкими самолетами. Всё это создавало обстановку напряжения... За три дня до 22 июня пришел приказ осуществить в казармах затемнение и спать только в обмундировании. Разрешалось снимать сапоги и ремень. Командный состав был переведен на казарменное положение. Вечером 21 июня командир полка созвал всех командиров и

политработников и еще раз подчеркнул, чтобы никто не отлучался из части, потому что с границы самые тревожные сообщения и все может случиться»⁹.

Предчувствием войны пронизаны буквально все письма, отправленные с западной границы весной и в начале лета 1941 г. Вот что 17 апреля 1941 г. писал из Бреста пулеметчик 44-го стрелкового полка В. П. Вавилов: «...конечно, если будет мирная обстановка с Германией, то безусловно встретимся, но только это я не ожидаю. Мы встанем первыми на защиту наших границ...»¹⁰. А в другом письме, накануне 1 мая, он добавил: «Мне хочется видеть вас всех и жить с вами одной дружной, спаянной семьей, но только на свое возвращение я не надеюсь. Время в данный момент — самый разгар 2-й империалистической войны. На краю этой войны находимся и мы. Но ничего — живы будем — не помрем...»¹¹

Никто не строил иллюзий по поводу договоров с Германией. Так, 11 июня заместитель политрука В. Н. Абызов писал матери: «Что в отношении международной обстановки, то это да. Она в настоящий момент напряжена до крайностей... А сосед наш ненадежный, несмотря на то что мы с ним и имеем договора... Вопрос бдительности стоит у нас на 1-м месте в нашей службе, ибо мы находимся на границе...»¹²

Сопоставляя многие свидетельства, приходишь к выводу: вроде бы все знали об опасности войны, готовились к ней. И все-таки она нагрянула неожиданно. Таков закон психологии — человек до последнего не хочет верить в плохое, надеется на лучшее. Знали, что воевать с Германией придется, но надеялись, что в запасе есть еще какое-то время — год, два... А оказалось, что нет впереди этих мирных лет.

22 июня 1941 г. вошло в память наших соотечественников как день всенародного горя, обрушившегося на страну, искалечившего миллионы людских судеб. Кровавой разделительной чертой он зафиксировал «раскол времени», всей жизни страны и населявших ее людей на «до» и «после» — до войны и после ее начала...

Константин Симонов писал:

Тот самый длинный день в году
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду
На всех, на все четыре года.
Она такой вдавила след
И столько наземь положила,
Что двадцать лет и тридцать лет
Живым не верится, что живы...¹³

Этот день стал началом иного отсчета времени. Ломался не только привычный уклад жизни — мысли и чувства становились другими, и то, что еще вчера казалось важным, отступало перед лицом общего горя, которое сплотило весь народ. Семнадцатилетняя школьница из города Кашина Калининской области Инна Константинова 22 июня 1941 г. записала в своем дневнике: «Еще вчера все было так спокойно, так тихо, а сегодня... Боже мой! В 12 часов слушала радио. Германия бомбит нашу страну! Налеты совершены уже на Киев, Житомир и другие города Украины. Страна в опасности. Сердце готово было выпрыгнуть от волнения. Страна мобилизует силы. Неужели я-то останусь спокойно на своем месте? Нет! Нужно быть полезной Родине. Помогать ей в трудный момент всем, чем можем. Победа должна быть нашей!»¹⁴

«Война! Меня как оглушило. И я вдруг почувствовала, что в мою жизнь ворвалась такая большая беда, что сравнить ее нельзя ни с чем. Я не подумала о том, что будет со мной. Я думала о том, какое горе и испытание постигли всех наших людей и какое место я займу в общенародной борьбе»¹⁵, — вспоминала 22 июня Елена Тараканова, через месяц ушедшая на фронт санитаркой в 16 лет.

Описание первого дня войны встречается во многих дневниках военных лет. Вот каким увидела этот день московская студентка Ирина Филимонова: «На улицах, в трамваях —

встревоженные, но не растерянные лица людей. На истфаке [МГУ] полно народу, несмотря на воскресенье... Многие парни уже отправились на призывные пункты. Мы с подружкой решили пойти на курсы медсестер, а затем на фронт.

Потом состоялся митинг. В Коммунистической аудитории негде было яблоку упасть. Выступали кратко, страстно. Студенты клялись сделать все, чтобы вместе со всем народом преградить путь проклятому фашизму. В конце митинга все встали и запели «Интернационал». Это было потрясающе. Плотнo прижавшись друг к другу, стояли студенты, преподаватели, служащие университета не только в аудитории, но и на обоих балконах, на лестнице, в вестибюле и пели: «Это есть наш последний и решительный бой!..» Разве можно разрушить такую силу, веру и единодушие?! Расходимся по домам. Мысли не дают покоя: действовать, действовать, действовать!..»¹⁶

Отношение к начавшейся войне выплеснулось и в личной переписке. «Сегодня, т. е. 22.06.41 г., выходной день, — писал родителям в Николаевскую область лейтенант Яков Бойко. — Во время того, как писал я вам письмо, вдруг слышу по радио о том, что озверелый гитлеровский фашизм бомбил наши города... Но это им дорого обойдется, и Гитлер больше жить в Берлине перестанет... У меня сейчас в душе только одна ненависть и стремление уничтожить врага там, откуда он пришел...»¹⁷

Одно, казалось бы, рядовое событие первых дней войны приобрело характер символа, значение которого было осознано гораздо позднее. Песня А. В. Александрова на слова В. И. Лебедева-Кумача «Священная война», едва успев родиться, начала выполнять свой солдатский долг. 26 июня «на Белорусском вокзале, — вспоминал сын композитора Борис Александров, — в людской тесноте и продымленной духоте, среди суеты и нескладности последних прощаний, ее голос зазвучал подобно набату, клятве, присяге. Все, кто в эту минуту находился там, заслышав первые звуки, поднялись, как один, и, словно в строю, торжественно и сурово прослушали песню до конца, а когда она окончилась, на какое-то мгновение замерли, завороченные звуками, а затем раздались оглушительные аплодисменты, горячая просьба повторить. В замечательный миг своего общественного рождения эта песня сразу стала необходима людям: они требовали и требовали повторения, и только после того, как добрая половина присутствующих уже подпевала ансамблю, запомнив мотив и слова, «Священная война» уступила место другим произведениям. С этого памятного дня и началась ее большая жизнь...»¹⁸ Эта песня стала гимном Великой Отечественной войны.

Патриотические настроения буквально захлестнули советских людей, особенно молодежь. В первые дни войны студент Борис Кровицин писал матери: «Всё личное сразу отодвинулось... В первый же день мобилизации, утром, вместе с товарищами подал заявление с просьбой зачислить меня в армию добровольцем. Надеюсь, теперь, в военное время, комиссия меня не отстранит. Да и как я могу оставаться здесь, когда мои товарищи уходят на фронт? Все должно решиться в ближайшие дни. Если в райвоенкомате мне откажут, буду обращаться в областной комиссариат и выше. Я ведь иду добровольцем!»¹⁹

24 июня артиллерист Михаил Рыков написал матери письмо, полное оптимизма: «Мы скоро уедем на фронт защищать Родину. Я в чине лейтенанта буду драться по-нашему, по-русски, как уралец. Ведь я работал в Уралмаше и буду в первых рядах. Буду воевать по-уралмашевски. Мы прошли за три года хорошую воинскую подготовку. И Вы, мама, за меня не беспокойтесь. Не погибну, а вернусь с победой»²⁰.

25 июня работники Московского тормозного завода через газету «Правда» обратились к бойцам и командирам Красной армии: «Вы идете на фронт, мы остаемся в тылу. Но нет у нас фронта и тыла. Все свои силы, всю свою энергию мы приложим к тому, чтобы заменить вас на производстве, обеспечить вас всем необходимым. Понадобится — будем работать день и ночь, нужно будет — поможем вам с оружием в руках»²¹.

И все же тогда мало кто понимал, насколько долгой и кровопролитной окажется начавшаяся война. «На рассвете 23-го Москву разбудили частые гудки и тревожный вой сирен, — писал друзьям 29 июня 1941 г. Василий Пластинин. — Впечатление ошеломляющее. Все высыпали на улицы, как будто предстояло какое-то развлекательное зрелище: слово

«война» вошло пока только в уши, но не вошло в сознание. Даже на трассирующие пули или снаряды, которые выпускали по, вероятно, летящим самолетам германским, мы смотрели как на эпизоды какого-то громадного фейерверка»²².

Действительно, в самые первые дни войны реакция населения на агрессию Германии в целом соответствовала тем пропагандистским штампам, которые были выработаны в предвоенный период, и противоречила драматизму ситуации. Весьма распространены, особенно в тылу, были шапкозакидательские настроения. Руководителей противника многие советские граждане считали безумцами. «На кого полезли, — говорили они, — совсем, что ли, с ума сошли?! Конечно, немецкие рабочие нас поддержат, да и другие народы поднимутся. Иначе быть не может!»

Не было недостатка в радужных прогнозах. «Я так думаю, — говорил один из рабочих металлического завода в Ленинграде, — что сейчас наши им так всыпят, что через неделю все будет кончено...» — «Ну, за неделю, пожалуй, не кончишь, — отвечал другой, — надо до Берлина дойти... Недели три-четыре понадобится»²³.

Естественно, настроения легкой победы над врагом имели место не среди тех, кто уже вступил в неравную схватку, а там, где еще не успели столкнуться с реальной силой агрессора. «В тот день (22 июня 1941 г. — *Прим. ред.*) многим казалось, что начавшаяся война будет стремительной, победоносной. Такой, какой она изображалась в популярных в те годы кинофильмах «Город под ударом», «Эскадрилья номер пять», в романе Павленко «На Востоке», в песнях, которые... пели чуть не каждый день, — вспоминал бывший офицер-артиллерист А. Дмитриев. — Никто... и представить себе не мог, какой долгой, жестокой, опустошительной, испепеляющей будет эта война, какого огромного напряжения она потребует, каких колоссальных жертв»²⁴.

Наряду с мощным подъемом патриотизма в разных слоях населения нередко звучали критические высказывания в адрес советского руководства, «допустившего войну», проявлялись растерянность и подавленность, недовольство положением дел в стране и армии, распространялись панические слухи и пораженческие настроения: «Война объявлена, и нас скоро разбомбят. Об этом говорят нескончаемые очереди за продуктами. Это есть реагирование тыла... К войне мы не готовы, у нас нет достаточного количества газобезопасных и бомбоубежищ. Среди народа ужасная паника»; «У нас нет крепкого, сплоченного тыла, люди озлоблены, и внутри страны будут столкновения, которые усложнят весь ход событий. Война будет тяжелой и кровавой»; «Сейчас половина народа СССР озлоблена против советской власти. Много людей сидят в тюрьмах, а у крестьян плохое настроение, так что воевать будет трудно. Народ будет против нашего правительства»²⁵. При этом следует отметить, что такие настроения не были массовыми и затрагивали сравнительно узкую категорию граждан, как правило из среды интеллигенции и служащих.

Высшее руководство было гораздо больше, чем рядовые граждане, осведомлено о реальном положении дел. Однако и оно не представляло себе в полной мере всей тяжести и перспектив разворачивавшихся событий. Вместе с тем власть, прежде всего в лице самого И. В. Сталина, быстро осознала всю значимость и опасность начавшейся схватки с фашистской Германией. Просчет, допущенный в определении времени и условий начала войны, сделал эту схватку еще более драматичной.

Многие вспоминали, какую важную мобилизующую и отрезвляющую роль сыграло выступление И. В. Сталина по радио 3 июля, на 12-й день войны. Свои впечатления об этой речи оставил в дневниках писатель К. М. Симонов: «Отчетливо помню свои ощущения в те минуты. Первое — этой речью, в которой говорилось о развертывании партизанского движения на занятой территории и об организации ополчения, клался предел тому колоссальному разрыву, который существовал между официальными сообщениями газет и действительной величиной территории, уже захваченной немцами... Второе чувство — мы поняли, что бродившие у нас в головах соображения о том, что разбиты только наши части прикрытия, что где-то готовится могучий удар, что немцев откуда-то ударят и погонят на запад не сегодня, так завтра, что все эти слухи о том, что Южный фронт тем временем наступает, что уже взят

Краков и так далее, — мы поняли, что все это не более, чем плоды фантазии, рожденной несоответствием того начала войны, к которому мы годами готовились, с тем, как оно вышло в действительности... И над обоими этими чувствами было еще одно — самое главное... Когда я прочел речь Сталина 3 июля, я почувствовал, что это речь, не скрывающая ничего, не прячущая ничего, говорящая народу правду, говорящая ее так, как только и можно было говорить в таких обстоятельствах. Это радовало. Казалось, что в таких тягостных обстоятельствах сказать такую жестокую правду — значит засвидетельствовать свою силу»²⁶.

Впрочем, были и те, кто расценил выступление советского вождя совсем иначе. Вот какие негативные настроения были зафиксированы в этой связи в сводках НКВД: «Всему крах. Положение на фронте безнадежное. Из Кремля дано указание готовить подпольные организации. Москва будет оставлена... Вот до чего докатились, куда же девалась доблесть Красной армии»; «Все эти речи, мобилизация народа, организация тылового ополчения свидетельствуют об исключительной ненадежности фронта и не спасут положения. Видимо, в скором времени немец займет Москву, и советской власти не удержаться»; «Поздно говорить о добровольцах, поздно обращаться к народу, когда немцы уже подходят к Москве»²⁷.

И все же это шкурное, обывательское мнение было мнением меньшинства. Основной реакцией большинства советских людей стал новый прилив патриотизма, энергии и воли к победе над фашизмом. Бывший ленинградский ополченец В. Сергеев вспоминал: «Начавшаяся война показалась мне, как и многим, делом недолгим. Мы верили, что «город может спать спокойно», что воевать мы будем не на своей территории, а на вражеской, и что никакой враг нам не страшен. 3 июля 1941 года обращение Сталина к советскому народу не оставило камня на камне от моего благодушного отношения к войне. Я осознал смертельную опасность, нависшую над нашей Родиной, и понял, что долг каждого советского человека — быть в рядах ее защитников. Немедленно подал заявление о направлении в действующую армию»²⁸.

Другой ленинградец Т. Иванов рассказывал: «3 июля 1941 года на нас, мальчишек Петроградской стороны с комсомольскими билетами, надели гимнастерки. В Ленинграде с первых дней войны развернулось мощное добровольческое движение. Заявления писали все, кто мог носить оружие: мужчины и женщины, инженеры и рабочие, ученые, студенты, учащиеся ремесленных училищ и старшие школьники»²⁹.

Конечно, можно критически относиться к использованию слабо обученных добровольческих формирований в современной войне, однако фактом является мощный патриотический подъем, который, несомненно, повлиял на перелом в трагическом для страны ходе событий и проигнорировать который руководство страны не имело морального права.

Постепенно серьезность обстановки осознавалась даже в отдаленных районах страны. Люди с горечью рассуждали о неготовности к войне, о просчетах правительства и неудачах военного командования: «Болтали, что не будем воевать на своей земле, а фактически сдаем город за городом. Вместо военной мощи армия испытывает недостаток в вооружении»; «Мы много лет переносили лишения под лозунгом подготовки к предстоящей войне, а на деле оказалось, что совсем не подготовились и ничего у нас нет»; «Вся наша армия технически слаба, у нее, оказывается, нет самого необходимого»³⁰. Такие настроения проявлялись в глубоком тылу — по мере того как из разных источников поступала неполная и противоречивая информация о положении на фронтах, об отступлении наших войск и оставлении ими все новых территорий. Но те, кому уже пришлось повоевать, трезво оценили обстановку гораздо раньше, основываясь на собственном суровом опыте.

Так, 10 августа 1941 г. сержант Борис Кровицин писал матери: «Сейчас я в госпитале, в Ижевске. Со мной ничего особого не случилось. Ранение не тяжелое... Врачи говорят, что через месяц-полтора войду в строй... По сравнению с фронтом госпиталь — действительно роскошный санаторий: кормят хорошо, спи сколько хочешь. А на фронте последние пять суток я не спал и пяти часов в общей сложности. Были дни, когда не имели крошки хлеба. Отступление — это, мама, страшно. И наверное, самое страшное, что не успевали выносить с поля боя раненых товарищей. Но придет время — будем наступать. Однако и обманывать себя нельзя. Боюсь, что этой войны хватит и на долю Юрки. Ведь ему — шестнадцатый.

Война идет тяжелая и жестокая. Или выстоять, победить. Или погибнуть. Другого в этой войне не дано»³¹.

Неделю спустя в следующем письме он признался: «Теперь вот мне самому пришлось смотреть смерти в глаза. Мама, что сказать тебе? Подниматься в атаку под огнем страшно. Особенно невыносимо, когда ждешь сигнал, ракету. Но о смерти я думаю все меньше. Уверен, что буду жить. Это, конечно, не от суеверия какого-то, а от жажды молодости — жить. Но если придется погибнуть... Война — это война. Только умереть надо честно, успев хоть что-то сделать для победы, пусть даже и смертью своей»³².

Чем тяжелее была обстановка, тем обостреннее проявлялось чувство личной ответственности за судьбу страны. «Когда наш народ будет праздновать Победу, может быть, нас не будет в живых. Но наша смерть будет ярко сиять на алтаре Отечества перед трудящимися страны, нашими родственниками, родными и близкими, будет нашим вкладом в Победу... Раз выпала такая суровая судьба нашему поколению — выстоим, победим»³³, — писал в августе 1941 года сестре в Башкирию Гаффар Ахметов, вскоре погибший в бою.

Война формирует особый тип личности, особый тип психологии — психологию комбатанта, то есть непосредственного участника боевых действий. Это психология человека в экстремальных обстоятельствах войны, которую можно рассматривать как непрерывную череду пограничных ситуаций, бытие на грани жизни и смерти. В минуту опасности человек чувствует и ведет себя иначе, чем в обыденной ситуации, при этом многие свойства его личности раскрываются с неожиданной стороны.

«Только в бою испытываются все качества человека, — говорил в одном из своих выступлений Герой Советского Союза Бауджан Момыш-Улы. — Если в мирное время отдельные черты человека не проявляются, то в бою они раскрываются. Психология боя многогранна: нет ничего незадаваемого войной в человеческих качествах, в личной и общественной жизни. В бою не скрыть уходящую в пятки душу. Бой срывает маску, напускную храбрость. Фальшь не держится под огнем. Мужество или совсем покидает человека, или проявляется во всей полноте только в бою... В бою находят свое предельное выражение все присущие человеку качества»³⁴. Высшие проявления человеческого духа, довольно редкие в обычных обстоятельствах, становятся массовым явлением в обстоятельствах чрезвычайных.

Приведем лишь один героический эпизод из сотен тысяч: «После жестокого боя в западноукраинский городок Сокаль ворвались фашисты... С грохотом танк приближался к разрушенному зданию пограничной комендатуры, в подвале которого были укрыты женщины и дети. И вот навстречу бронированному чудовищу выбежал объятый пламенем человек. Сорвав с себя смоченный бензином халат, кинул его на решетку моторного люка, а сам пылающим факелом бросился под танк. Раздался взрыв. Гитлеровцы повернули назад. Это произошло в первый день войны, около девяти часов утра 22 июня»³⁵.

Хрестоматийные примеры — легендарная оборона Брестской крепости. Шестнадцать воздушных таранов, совершенных советскими летчиками в первый день войны. Первые «матросовцы», бросившиеся на вражескую амбразуру на два года раньше Александра Матросова. Бомбежки Берлина в августе 1941 г. балтийскими летчиками с острова Эзель (Саарема)... И многие тысячи других известных, а еще более неизвестных героев и подвигов лета — осени 1941-го...

«Проезжали мимо горевших сел, мимо какого-то аэродрома, на котором догорали наши самолеты, — делился опытом своих первых боев ленинградец В. Сергеев. — А навстречу по дороге шли женщины, дети, гнали скот люди, изгнанные войной. Ехали мы молча, без песен и шуток, чувствуя, что ждут нас впереди тяжелые дни... В ту же ночь мы вступили в бой у деревни Пижма и к утру оставили ее. Враг наседал на нас техникой, которую мы видели впервые, брал военным опытом, которого мы вовсе не имели, засыпал нас бомбами, снарядами и минами. Самолеты фашистов каруселью вились над нами, как ястребы над цыплятами. Втиснешься в окоп и чувствуешь, как вздрагивает земля и качает тебя, как ребенка в люльке. Первое время мы кланялись каждому снаряду, хотя не каждый летел именно к нам. К этому надо было тоже привыкнуть. Личный пример командиров и политруков, коммунистов и бойцов с

боевым опытом делал из нас настоящих солдат, которыми мы все-таки стали через несколько недель... Самой главной победой для нас была победа над собой, над своим страхом. И если в дальнейшем нам приходилось отступать, то теперь мы это делали уже организовано, без паники, строго по приказу командиров. И никак не иначе. Отступив, накапливали новые силы, чтобы атаковать снова»³⁶.

В то же время в чрезвычайных условиях обнажаются не только лучшие, но и худшие человеческие качества. В периоды «бедствий народных» как положительные, так и отрицательные качества людей проявляются в гипертрофированном виде ввиду того, что поступки оцениваются по иному, завышенному нравственному критерию, который диктуется особыми условиями жизни. Например, слабость характера, робость, вызывающая незначительную уступку в обычной жизненной ситуации, может обернуться трусостью и предательством во время войны.

Типичный пример фронтового максимализма — строки из письма добровольца Моисея Гинзбурга от 10 июля 1941 г.: «Война многих поставила на свое место, показала нутро каждого из нас. Вот 5 лет считал П[...] В[...] хорошим человеком, а оказалось, что за душой у него ничего, кроме заботы о себе. Тяжело, когда даже не очень близкий человек оказывается трусом, тяжело и противно. И если член партии делает все возможное, чтобы отбояриться даже от такого, совсем не опасного дела, как ополчение, иногда очень хочется попросту набить такой сволочи морду»³⁷.

Не все были героями. Растерянность, неразбериха, потеря управления частями, отчаяние, малодушие — тоже характерные приметы трагического начала войны.

Из донесения начальника управления политпропаганды Юго-Западного фронта бригадного комиссара А. И. Михайлова начальнику ГУПП Красной армии армейскому комиссару 1 ранга Л. З. Мехлису от 17 июля 1941 г.: «...в частях фронта было много случаев панического бегства с поля боя отдельных военнослужащих, групп, подразделений. Паника нередко переносилась шкурниками и трусами в другие части, дезориентируя вышестоящие штабы о действительном положении вещей на фронте, о боевом и численном составе и о своих потерях.

Исключительно велико число дезертиров. Только в одном 6 с[трелковом] к[орпусе] за первые 10 дней войны задержано дезертиров и возвращено на фронт 5000 человек.

...По неполным данным, заградотрядами задержано за период войны около 54 000 человек, потерявших свои части и отставших от них, в т. ч. 1300 человек начсостава. Задержанные переданы в пересыльные пункты, откуда направлены во вновь формируемые части.

Из числа задержанных привлечено к ответственности за дезертирство 1147 человек, осуждено судом Военного трибунала фронта — 546 человек, 72 % осужденных приговорены к расстрелу...»³⁸

Суровое время — суровые законы. А война между тем преподавала все новые жестокие уроки.

Воспитанный в классовой пролетарской идеологии, боец Красной армии вначале пытался вычленять рабочих и крестьянин из общей массы захватчиков, отделяя их от «господ-эксплуататоров». Но уже в первые дни войны рассеялись иллюзии, наивные надежды на сознательность «братьев по классу», воспитанные в довоенное время и быстро вытравлявшиеся беспощадной реальностью. Вот что записал в своем фронтовом дневнике М. И. Березин: «20 июля 1941 года поджигаем два танка, взяв в плен трех танкистов. Какими же мы были наивными человеколюбцами, пытаясь при их допросе добиться от них классовой солидарности. Нам казалось, что от наших бесед они прозреют и закричат: «Рот фронт!». Мы хорошо знали произведения из времен Гражданской войны и совершенно не знали современного немца-фашиста. А они, наравшись нашей каши из наших же котелков, накурившись из наших же добровольно представленных кисетов, с наглой, ничего не выражающей рожей отрыгивают нам в лицо: «Хайль Гитлер!». Кого мы хотели убедить в классовой солидарности — этих громил, поджигающих хаты, насильников и садистов, с губной гармошкой во рту убивающих женщин и детей? Мы стали понимать и с каждым днем боев все больше убеждаться, что только тогда фашист становится сознательным, когда его бьешь»³⁹.

В. Г. Правдин, Э. О. Правдина
Молодежь, в бой за Родину! 1941 г.
Плакат

В. Б. Корецкий
Наши силы неисчислимы. 1941 г.
Плакат

**БЕСПОЩАДНО
РАЗГРОМИМ
И УНИЧТОЖИМ
ВРАГА!**

Кукрыниксы (М. В. Куприянов, П. Ф. Крылов, Н. А. Соколов)
Беспощадно разгромим и уничтожим врага! 1941 г.
Плакат

**СМЕРТЬ
ФАШИСТСКОЙ
ГАДИНЕ!**

А. А. Кокорекин
Смерть фашистской гадине! 1941 г.
Плакат

БОЕЦ, ОКАЗАВШИЙСЯ В ОКРУЖЕНИИ

**БОРИСЬ ДО ПОСЛЕДНЕЙ
КАПЛИ КРОВИ**

А. Д. Кокош
Боец, оказавшийся в окружении, борись до последней капли крови. 1941 г.
Плакат

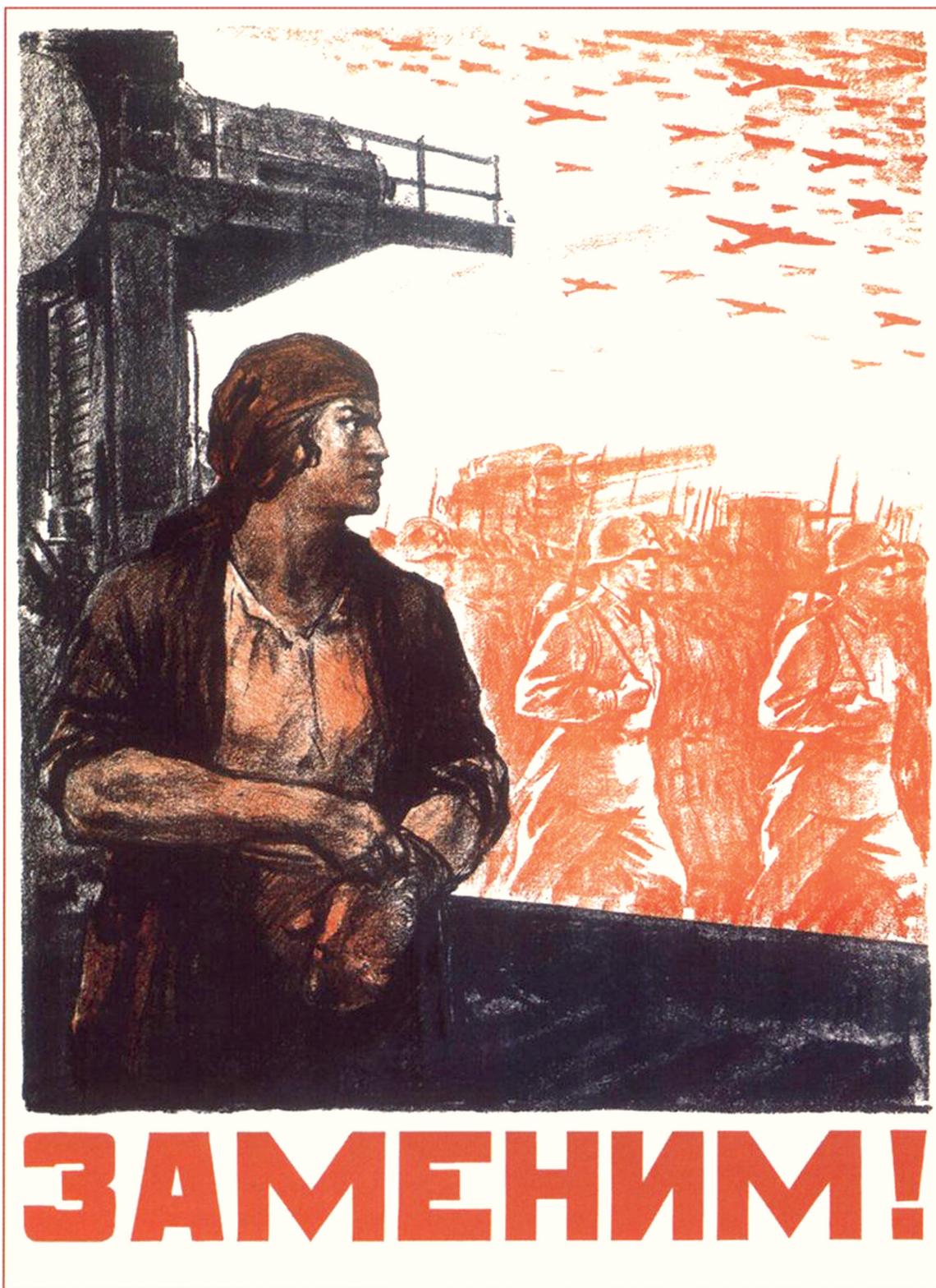
Д. С. Моор
Ты чем помог фронту? 1941 г.
Плакат

**ДАВАЙТЕ ПОБОЛЬШЕ ТАНКОВ.
ПРОТИВОТАНКОВЫХ РУЖЕЙ И ОРУДИИ.
САМОЛЕТОВ, ПУШЕК, МИНОМЕТОВ,
СНАРЯДОВ, ПУЛЕМЕТОВ, ВИНТОВОК!**

**ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА!
ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ!**

Эль Лисицкий. Все для фронта! Все для победы! (Давайте побольше танков.) 1941 г.
Плакат

В. А. Серов
Заменим! 1941 г.
Плакат

**БОЛЬШЕ ХЛЕБА
ДЛЯ ФРОНТА И ТЫЛА**

УБРАТЬ УРОЖАЙ ПОЛНОСТЬЮ!

Н. Н. Ветелина, Н. В. Денисов
Больше хлеба для фронта и тыла. 1941 г.
Плакат

В. Б. Корецкий
Воин Красной армии, спаси! 1941 г.
Плакат

Кукрыниксы (М. В. Куприянов, П. Ф. Крылов, Н. А. Соколов)
Бьемся мы здорово, колем отчаянно — внуки Суворова, дети Чапаева. 1941
Плакат

В. Б. Корецкий, В. А. Гицевич
Вставай в ряды фронтовых подруг, дружинница бойцу помощник и друг! 1941 г.
Плакат

БОЕВЫЕ ЭПИЗОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Двенадцать дней в бою с врагом

КОМАНДИР дивизии Яков Григорьевич Крейзер двенадцать лет назад пришел в дивизию командиром взвода. В дни великой отечественной войны дивизия Крейзера выступила на фронт и в героических боях отстаивает родную землю, уничтожая вражескую технику и живую силу противника.

Во время боев на реке Н. фашисты, пытаясь атаковать дивизию Крейзера двинули в атаку свои танки и мотопехоту, открыли ураганный артиллерийский и минометный огонь; самолеты врага целый день бомбили один из полков дивизии. Бойцы окопались и крепко отставали каждую пядь родной земли. Тогда фашисты попробовали обойти дивизию с флангов. Я. Г. Крейзер во-время разгадал маневр врага и приказал открыть огонь из пяти батарей. Мотоколонна фашистов мгновенно превратилась в пылающий костер.

12 дней длился бой на реке Н. Дивизия Крейзера, не дрогнув, выдержала натиск двух немецких дивизий. Командир личным боевым примером воспитал в своих бойцах стойкость и мужество, поощряя инициативу и смелость. Зенитчики, связисты, разведчики, артиллеристы, саперы—бойцы всех родов оружия—под командованием Якова Григорьевича Крейзера оправдали доверие родины. Презрение к смерти, жгучая ненависть к врагу, любовь к своей родине обеспечили им победу над врагом.

За проявленные в боях мужество и героизм правительство присвоило Я. Г. Крейзеру звание Героя Советского Союза. Многие командиры и бойцы дивизии награждены орденами и медалями.

Герои и подвиги

Боевой листок о подвиге командира дивизии Я. Г. Крейзера

Г. М. Коржев
Проводы. 1967 г.

С. М. Луппов
Женщины в обороне. 2-я пол. 1930-х гг.

М. И. Авилов
Одиннадцать пограничников на сопке Заозерной. Август 1938 года. 1939–1940 гг.

М. И. Авилов
Дот замолчал навсегда. 1941 г.

И. А. Владимиров
Сдача финнов. 1940 г.

А. А. Блинков
Взятие Выборга советскими войсками 12 марта 1940 года. 1941 г.

А. А. Дейнека
Оборона Севастополя. 1942 г.

Исходя из новых реалий, хотя и не сразу, менялась советская пропаганда, как внутренняя, так и внешняя (на войска противника). Вот что говорил об этом в 1943 г., находясь в советском плену, немецкий фельдмаршал Ф. Паулюс: «Ваша пропаганда в первые месяцы войны обращалась в своих листовках к немецким рабочим и крестьянам, одетым в солдатские шинели, призывала их складывать оружие и перебежать в Красную армию. Я читал ваши листовки. Многие ли перешли к вам? Лишь кучка дезертиров. Предатели бывают в каждой армии, в том числе и в вашей. Это ни о чем не говорит и ничего не доказывает. И если хотите знать, кто сильнее всего поддерживает Гитлера, так это именно наши рабочие и крестьяне. Это они привели его к власти и провозгласили вождем нации. Это при нем люди из окраинных переулков, парвеню, стали новыми господами. Видно, в вашей теории о классовой борьбе не всегда сходятся концы с концами»⁴⁰. Отрезвление произошло очень быстро. Старые идеологические клише разбивались с каждым шагом врага в глубь советской территории. Война действительно становилась Отечественной и национально-освободительной. И образ врага-фашиста также все сильнее принимал национальную окраску, превращаясь в массовом сознании в образ врага-немца.

Отступающая с боями Красная армия несла в себе тяжкий груз вины перед теми, кого вынуждена была оставить на милость безжалостных оккупантов. «Знаете, что самым тяжелым было за всю войну? — вспоминал Герой Советского Союза полковник Д. П. Тыквач из Одессы. — Тяжелее всего приходилось глядеть в глаза людям, когда мы отступали в 1941 году. Идем по деревне, а все жители высыпали на улицу, молча смотрят на нас. Стоят около домов женщины с детьми на руках, седобородые старики. В их глазах и горький упрек нам, уходящим на восток, и страх перед будущим — что с ними будет? Ведь вблизи уже слышна канонада — фашисты идут по пятам, не сегодня-завтра захватят эти места. Стыдно, больно смотреть на тех, кого мы оставляли. “Куда же вы, сыночки?” — спросит кто-нибудь, подавая нам кружку молока или краюху хлеба. А каждый из нас еще ниже опускает голову — что тут ответишь... Ведь мы сами находились в окружении. Нам надо прорываться с боями. Одно повторяли тогда: “Мы вернемся! Вернемся! Верьте нам!”...»⁴¹

Враг оказался не только коварен, но и очень силен и беспощаден. Сведения, поступающие с фронтов, свидетельствовали о страшной опасности, нависшей не только над Советским государством, но и над всем народом. Потери советских войск были огромны. Всем стало ясно, что предстоит схватка не на жизнь, а на смерть, которая коснется каждой семьи и каждого гражданина. И здесь вступили в действие глубокие психологические механизмы, которые не раз в российской истории спасали страну, находившуюся на краю пропасти. Произошел подъем всех моральных сил народа, оказались задействованы его вековые традиции, готовность к самоотверженности, самоотречению и самопожертвованию во имя спасения своей страны. Феноменальным явлением в истории стал массовый героизм, который проявляли не сотни и тысячи, а можно сказать без преувеличения, миллионы людей и на фронтах, и в тылу.

Именно в самом начале войны, в наиболее драматический ее момент, обернувшийся психологическим шоком для всей страны, для ее руководства и народа, была найдена и заложена та патриотическая тональность, которая сохранялась на всем протяжении Великой Отечественной. Она стала одним из решающих факторов поддержания морально-психологического состояния в стране, которое в основном оставалось высоким даже при неблагоприятном для СССР разворачивании событий на фронтах. Существенную роль в этом сыграла корректировка официальных идеологических формул, сместивших акценты с идеи классовой борьбы на национально-государственное единство в противостоянии агрессору, на единство власти, армии и народа.

Кстати, эту обозначившуюся тенденцию заметили еще летом 1941 г. некоторые представители старой интеллигенции. Так, в сводке НКВД было зафиксировано высказывание одного из сотрудников Астрономического института о том, что «советская власть, под давлением событий, сбрасывает свою идеологическую шелуху и проникается здоровыми идеями национальности и родства славянских народов, и сама жизнь заставит коммунистов признать

эту идею. Если они этого не сделают, тем хуже для них. Наше дело следить за эволюцией советской власти и помогать прояснению национального и религиозного сознания русского народа. Советская власть расплачивается за борьбу с этими принципами, за насаждение и защиту классовую и безбожную идеологию»⁴².

Интересна оценка радикальной смены идеологических ориентиров, произошедшей в Москве в годы войны, которую дает в своих мемуарах генерал Ш. де Голль: «В эти дни национальной угрозы Сталин, который сам возвел себя в ранг маршала и никогда больше не расставался с военной формой, старался выступить уже не столько как полномочный представитель режима, сколько как вождь извечной Руси»⁴³.

Существенное изменение официальных идеологических постулатов, заложенное в начале Великой Отечественной войны, стало одним из важнейших ее итогов, закрепленных и на послевоенный период. «Знаменитый сталинский тост на победном банкете — «за великий русский народ» — как бы подвел окончательную черту под изменившимся самосознанием власти, сделав патриотизм наряду с коммунизмом официально признанной опорой государственной идеологии»⁴⁴, — анализируя изменения внутренней политики советского государства в период войны, отмечал митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн.

Во Второй мировой войне идеологический фактор не только смыкался и переплетался с психологическим, но нередко оказывался ведущим: от сильной, «грамотной» идеологической мотивации войны, от интенсивности и точности «политико-воспитательной работы» напрямую зависело морально-психологическое состояние народа и особенно действующей армии. Его недоучет (наряду со стратегическими просчетами) способствовал поражению и вел к нему даже при наличии достаточного военно-стратегического потенциала, как это случилось с Францией в мае — июне 1940 г. С другой стороны, наличие достаточного «запаса прочности» в идейно-психологической сфере оказывалось одним из решающих факторов в способности государства и народа переломить даже крайне неблагоприятный ход событий.

Так, для СССР война развивалась от тяжелых, но временных поражений к конечной победе, а для Германии — от триумфальных успехов в ее начале к безоговорочной капитуляции в конце. Огромное моральное и физическое напряжение советский народ смог выдержать в течение почти четырех лет только благодаря наличию духовного стержня, позволившего ему не сломаться при всех масштабах людских, территориальных, экономических потерь и собственными силами освободить не только свою страну, но и пол-Европы. Французский историк М. Ларан констатирует, что «самоотверженность, которую в войне проявили советские люди, достойна самого искреннего восхищения. Духовно они оказались неизмеримо выше своего врага»⁴⁵.

Более того, в этой войне как особый социально-психологический феномен сформировалось фронтовое поколение, поколение победителей. Каждый исторический период накладывает свой отпечаток на людей, особенно на тех, чья личность в это время только еще формируется. «Современники определенной эпохи, принадлежащие к одному символическому поколению, не обязательно являются сверстниками. «Поколение Великой Отечественной войны» включает и тех, кому в 1941 г. было 17 лет, и тех, кому исполнилось 25. Однако жизненный путь тех, кто пошел на фронт прямо со школьной скамьи, не успев приобрести ни профессии, ни семьи, существенно отличается от судьбы тех, кого война застала уже взрослыми»⁴⁶. Прошлый жизненный опыт оказывает огромное влияние на поступки людей, стиль их поведения, так же, как и отсутствие подобного опыта.

Следует учитывать, что в войну вступила армия, весьма разнородная по своему социальному и возрастному составу, уровню образования и военной подготовки. На 22 июня 1941 г., в Красной армии и Военно-морском флоте состояло по списку 4 млн 827 тыс. военнослужащих. Кроме того, на довольствии в Наркомате обороны находилось около 75 тыс. человек, проходивших службу в формированиях других ведомств. Еще 805,3 тыс. военнообязанных находились на больших учебных сборах и были включены в списочную численность войск с объявлением мобилизации. При этом на западных границах в июне 1941 г. было сосредоточено 2,9 млн человек — столько на начало войны составила действующая армия»⁴⁷.

Основную массу рядовых кадровой армии составляли призывники 1919–1922 гг. рождения. С началом войны после двух массовых мобилизаций личный состав советских Вооруженных сил стал более разнородным. За две первые военные мобилизации (в июне и августе 1941 г.) были призваны военнообязанные старших возрастов — с 1890 по 1918 г. рождения и молодежь 1923 г. Однако в частях народного ополчения, многие из которых влились в действующую армию, оказывалось немало лиц и старше 50 лет.

Особенно различен был жизненный путь, во многом определявший мировоззренческие установки людей разных поколений. Так, если поколение 1890–1904 гг. рождения (вторая мобилизация, август 1941 г.) было участником либо свидетелем Первой мировой войны, революции и Гражданской войны, то поколение 1905–1918 гг. рождения (первая мобилизация, июнь 1941 г.) в сознательном возрасте пережило события нэпа и первых пятилеток, в той или иной степени было затронуто индустриализацией и коллективизацией. Все они, естественно, были современниками репрессий второй половины 1930-х гг. На различные поколения по-разному повлияли и внешнеполитические акции СССР — присоединение Прибалтики, западных областей Украины и Белоруссии, Бессарабии; война с Финляндией. Часть предвоенной кадровой армии (поколение 1919–1922 гг. рождения) непосредственно участвовала в ряде последних предвоенных событий. Для младшего поколения, начиная с 1923 г. рождения, именно война стала временем личностного становления, главным фактором, формировавшим его гражданскую зрелость. За плечами мальчишек 1923–1926 гг. рождения не было большого личного социального опыта, а потому меньшее значение имело социальное происхождение, меньше был и разрыв в уровне образования, большее влияние на мировоззрение оказали идеологические установки советского строя, при котором они родились и выросли. Именно они составили основу «фронтowego поколения».

На войну шли разные люди — по воспитанию, по характеру, по судьбе. Но именно война всех сблизила, объединила общей бедой, перед лицом общего врага. Без такого духовного, нравственного единения победить было бы невозможно. В этом единении и есть та целостность фронтowego поколения, которая позволяет отнести к нему представителей различных возрастных когорт, принимавших участие в Великой Отечественной.

Историческая ситуация конца 1930 — начала 1940-х гг., т. е. кануна и начала Второй мировой войны, выявила целый комплекс феноменов массового советского сознания. Она показала, что длительная идеологическая подготовка населения к войне оказывает достаточно эффективное и стойкое воздействие, формируя психологическую установку на готовность к отражению внешней агрессии, накладываясь на архетипические механизмы русской национальной психологии, выработанные веками, и прежде всего способность к быстрой психологической мобилизации в условиях опасности для страны. Эта установка позволила относительно быстро нейтрализовать ряд негативных для мобилизующей функции факторов: неожиданную смену и дезориентирующее влияние ситуационной пропаганды непосредственно в канун войны, когда фашистская Германия официально рассматривалась как «дружественный сосед», не собиравшийся нападать на СССР; тяжелое кадровое и моральное состояние армии в результате предвоенных репрессий; переоценку собственных сил и возможностей и недооценку потенциального противника, в том числе являвшуюся следствием пропагандистских воздействий; классовые иллюзии о поддержке СССР пролетариатом Европы и особенно Германии в случае внешней агрессии и другие.

В отличие от Первой мировой справедливый, оборонительный характер Великой Отечественной войны был совершенно очевиден. Основная масса населения понимала, за что идет вооруженная борьба, и готова была к самопожертвованию, длительным тяготам и лишениям во имя Победы. В обществе существовало гораздо меньше социальных противоречий и можно говорить в значительной степени о его морально-психологическом единстве относительно базовых ценностей (национальная независимость, рост экономики и благосостояния, социальная справедливость, и др.). Не всеми разделялись партийные установки на социалистическое строительство, но сама социалистическая идея в результате успехов первых пятилеток обрела широкую популярность. Кроме того, характер фашистской агрессии,

нацеленной на порабощение и истребление целых народов, не оставлял советским людям выбора и обусловил особую ожесточенность сопротивления, массовую стойкость и героизм.

«Ярость благородная» — так можно назвать основную психологическую доминанту того периода, очень точно отраженную и выраженную в известной песне. Но эта ярость смешивалась с горечью и болью особенно страшных потерь и поражений первых месяцев войны. В известной мере эти чувства даже доминировали в первые военные дни. Военная катастрофа начала войны вызвала состояние психологического шока. Не случайно наряду с проявлениями массового героизма этого периода, ярчайшим примером которого может служить подвиг защитников Брестской крепости, были и многочисленные факты сдачи в плен целых подразделений. Именно в этот период сотни тысяч солдат и командиров кадровой армии оказались в плену. Но по мере того как проходил шок, вызванный разительным контрастом между довоенными представлениями о будущей войне и войной реальной, внезапно обрушившейся на советских людей посреди мирной жизни, и росли горе и боль, а с ними ненависть к врагу и жажда мести, — по мере этого было достигнуто определенное равновесие сознания, произошла его стабилизация. Народ мобилизовал свои материальные и духовные силы и остановил напор фашистской военной машины. Врагу не удалось сломить моральный дух советских людей. В значительной мере благодаря морально-психологической стойкости народа была достигнута главная цель этого периода войны — выстоять!

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Цит. по: Венок славы. Антология художественных произведений о Великой Отечественной войне: в 12 т. Т. 2. Битва за Москву. М., 1984. С. 406.
- ² Цит. по: Война. Народ. Победа. 1941–1945. Статьи, очерки, воспоминания. Кн. 1. М., 1976. С. 33.
- ³ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945: в 6 т. Т. 1. М., 1960. С. 441.
- ⁴ Музей боевой славы исторического факультета МГУ. Личный фонд М. Т. Белявского.
- ⁵ Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ). Ф. 362. Оп. 3. Ч. 708. Кл. 122, 138.
- ⁶ *Лабас Ю.* Черный снег на Кузнецком // Родина, 1991. № 6–7. С. 36.
- ⁷ Из интервью с Ю. П. Шараповым от 17.05.1995 г. // Личный архив Е. С. Сенявской.
- ⁸ *Росциус Ю.* Дневник пророка. М., 1990. № 4. С. 6–7. Лева Федотов погиб на фронте 25 июня 1943 г.
- ⁹ Из интервью с В. А. Виноградовым от 26.03.2001 г. // Личный архив Е. С. Сенявской.
- ¹⁰ Последние письма с фронта. 1941. Сборник. Т. 1. М., 1991. С. 18.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 19.
- ¹³ *Симонов К.* Из трех тетрадей. Стихи, поэмы. Изд. 2-е, доп. М., 1990. С. 287.
- ¹⁴ ...Сражалась за Родину. Письма и документы героинь Великой Отечественной войны. М., 1964. С. 5–12; Девушка из Кашина. Дневник и письма И. Константиновой. Воспоминания и очерки о ней. М., 1974.
- ¹⁵ *Тараканова Е.* Если ранили друга... // *Магидов Л.* Цена милосердия. М., 1984. С. 7.
- ¹⁶ *Филлимонова И., Дажин Д.* А мы такие молодые... М., 1985. С. 28.
- ¹⁷ Последние письма с фронта. 1941. Сборник. Т. 1. С. 396–397.
- ¹⁸ Музы вели в бой. Деятели литературы и искусства в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 20–21.
- ¹⁹ Цит. по: *Вольф А.* Звезда над передовой. М., 1987. С. 34.
- ²⁰ Последние письма с фронта. 1941. Сборник. Т. 1. С. 397.
- ²¹ Великая Отечественная в письмах. М., 1982. С. 13–14.
- ²² Цит. по: *Борисов А.* Встреча с погибшим другом. М., 1987. С. 6–7.
- ²³ Цит. по: История Отечества: Люди, идеи, решения. Очерк истории Советского государства. М., 1991. С. 258.
- ²⁴ *Кассис В., Комаров В., Чичков В.* Покой нам и не снился. М., 1982. С. 25–26.
- ²⁵ Информация УНКГБ и УНКВД г. Москвы и Московской области первому секретарю МК и МГК ВКП(б) А. С. Щербакову. 23 июня 1941 г. // Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 50.
- ²⁶ *Симонов К.* 100 суток войны. Неизвестные факты. Смоленск, 1999. С. 48–50.
- ²⁷ Спецсводка УНКГБ г. Москвы и Московской области первому секретарю МК и МГК ВКП(б) А. С. Щербакову о реагировании населения на выступление И. В. Сталина. 3 июля 1941 г. // Москва военная. 1941–1945. С. 68–69.
- ²⁸ *Сергеев В.* Одна судьба // Память. Письма о войне и блокаде. Л., 1985. С. 23.
- ²⁹ *Иванов Т.* А мы — с Петроградской // Память. Письма о войне и блокаде. Л., 1985. С. 27.

- ³⁰ Цит. по: *Христофоров В. С.* Общественные настроения в СССР: июнь — декабрь 1941 г. // Великая Отечественная война. 1941 год. М., 2001. С. 458, 464.
- ³¹ Цит. по: *Вольф А.* Звезда над передовой. С. 34–36.
- ³² Там же. С. 37.
- ³³ Последние письма с фронта. 1941. Сборник. Т. 1. С. 10.
- ³⁴ *Момыш-Улы Б.* Психология войны. Алма-Ата, 1990. С. 39–40.
- ³⁵ Великая Отечественная в письмах. Изд. 2-е, доп. М., 1982. С. 10–11. Только два десятилетия спустя удалось установить имя героя. Им оказался старший военфельдшер 4-й комендатуры 90-го Владимир-Волынского пограничного отряда Владимир Прохорович Карпенчук.
- ³⁶ *Сергеев В.* Одна судьба // Память. Письма о войне и блокаде. С. 24–25.
- ³⁷ Голоса из мира, которого уже нет. Выпускники исторического факультета МГУ 1941 г. в письмах и воспоминаниях. М., 1995. С. 59.
- ³⁸ Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. М., 1992. С. 304–305.
- ³⁹ *Овчинникова Л.* Пишу перед боем // Комсомольская правда. 9 мая 1989.
- ⁴⁰ *Бланк А., Хавкин Б.* Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М., 1990. С. 173.
- ⁴¹ *Овчинникова Л.* Колокол на Долгом лугу. М., 1989. С. 4.
- ⁴² Цит. по: *Христофоров В. С.* Указ. соч. С. 462–463.
- ⁴³ Цит. по: Полководцы. Сборник. М., 1995. С. 62.
- ⁴⁴ Там же. С. 81.
- ⁴⁵ *Laran M.* Russie-URSS. 1870–1970. Paris, 1974. P. 200.
- ⁴⁶ *Кон И. С.* Психология юношеского возраста (Проблемы формирования личности). М., 1979. С. 12.
- ⁴⁷ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 139; Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. М., 2001. С. 218–219.